ХЕЙНЕ **БАККЕЙД**

18+

ЗАВТРА Я БУДУ СКУЧАТЬ ПО ТЕБЕ

Книга издается в 11 странах мира

Мастера саспенса

Хейне Баккейд

Завтра я буду скучать по тебе

«АСТ»
2016

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

Баккейд Х.

Завтра я буду скучать по тебе / Х. Баккейд — «АСТ», 2016 — (Мастера саспенса)

ISBN 978-5-17-102624-0

Неподалеку от маленького норвежского городка Трумсё, на безлюдном острове с маяком бесследно исчезает молодой человек по имени Расмус. Его родители обращаются за помощью к бывшему специалисту по полицейским допросам Торкильду Аске, с просьбой найти их сына. Торкильд недавно вышел из тюрьмы, где провел три года за непреднамеренное убийство. Он зависим от лекарственных препаратов, и пребывает далеко не в лучшем состоянии. С большой неохотой Торкильд отправляется на маяк. Безлюдный остров накрыт полярным штормом, и холодные северные волны выносят на скалистый берег тело. И это не Расмус, а неизвестная девушка без лица. Торкильд Аске понимает, что он не один на острове, когда из бушующей воды выходит некто в водолазном костюме и забирает тело обратно в море…

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-102624-0

© Баккейд Х., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Среда 6
Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 16
Четверг 17
Глава 6 17
Глава 7 20
Глава 8 23
Глава 9 25
Пятница 27
Глава 10 27
Глава 11 30
Глава 12 34
Глава 13 38
Суббота 41
Глава 14 41
Глава 15 45
Глава 16 48
Глава 17 51
Глава 18 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Хейне Баккейд
Завтра я буду скучать по тебе

Бывают дни, когда не видишь, что горы всё ещё стоят.

Приходят часы, когда всё ускоряется у линии прилива вдоль чёрных пляжей.

Моменты, когда каждый – незнакомец.

Хербьёрг Вассму

Семь минут

В три минуты шестого приходит раскаяние. Меня охватывает паника, пока я задыхаюсь и хватаю ртом воздух. Тело дрожит, меня трясёт, я размахиваю ногами, чтобы освободиться, но это не помогает.

Проходит две минуты, и отчаянные попытки сделать вдох наконец прекращаются. Я понимаю, что кислород мне больше не нужен. Я просто вишу в верёвке и прислушиваюсь к тому, как постепенно, орган за органом, отключается мой организм.

Пять минут, слышен громкий плеск воды о напольную плитку под ногами. Из горла вырывается хриплый вой, а слёзы, смешиваясь с горячим паром, катятся по щекам и попадают в водосток, унося с собой всё то, что от меня осталось. Мне холодно.

А потом появляется она. Прямо передо мной, такая же бледная, как эта комната. Мне хочется смеяться, плясать от радости, увидев её снова. Я пытаюсь открыть рот, чтобы дать ей знать об этом, чтобы рассказать, какое это счастье – чувствовать. Но случается другое: раздаётся треск, и через секунду я лежу на полу. Вода из тюремных душей омывает моё лицо, а чёрная стрелка настенных часов завершает ещё один оборот.

Десять минут шестого.

Среда

Глава 1

Ставангер – город мягких собачьих мин. Они будто растут мерзкими грибами из асфальта, окрашивая дорогу всеми оттенками поганого коричневого цвета.

Перешагнув через очередной такой «гриб», я устремляюсь по Педерсгате в центр города. Мой путь лежит в службу занятости населения. Раньше эти службы размещались в офисах открытого типа. Там были цокольные этажи, а окна выходили на Клубгате и на городской пруд. Благодаря такому местоположению прохожие могли беспрепятственно пялиться на безработных неудачников. Те в отчаянии прятались от соседей и знакомых за зарослями искусственных цветов, ширмами и абажурами, в то же время пытаясь объяснить причины, по которым потеряли работу. С тех пор, как я последний раз был в городе, служба успела сменить название и адрес, так что теперь сцены из жизни городских бездельников можно было наблюдать в более привычных интерьерах.

Я беру талончик электронной очереди и сажусь на красный диван. В комнате нет окон, и кажется, что кислород уже кончился. Мы в своеобразном бункере: в воздухе висит запах пота и грязных носков, от посетителей исходит терпкий запах тунеядства. Он проникает в ноздри, как только переступаешь порог. Несмотря на толпу, в помещении стоит практически звенящая тишина. Ее нарушают разве что смущенные вздохи и эпизодическое постукивание по клавиатуре.

– Тридцать восьмой!

Из-за двери показывается женщина-соцработник и обводит приемную пристальным взглядом. Как только я подхожу достаточно близко, она спешит пожать мне руку и пропускает в кабинет.

– Меня зовут Ильяна, – произносит она с сильным восточноевропейским акцентом и опускается в офисное кресло. – Прошу вас, присаживайтесь.

– Благодарю, – отвечаю я и тоже сажусь.

У Ильяны пышные тёмные волосы, подобранные сзади заколкой. На ней серое платье с крупными черными пуговицами, как на старых плюшевых игрушках.

– Чем я могу вам помочь?

Я диктую ей дату своего рождения и идентификационный номер. Она вбивает данные в компьютер.

– Торкильд Аске?

– Да, это я.

– А вы уже встали на учет на бирже труда?

– Нет.

Я протягиваю ей письмо от соцработника ставангерской тюрьмы. Ильяна читает его при свете монитора, наклонившись к рабочему столу. Закончив, она расплывается в широкой улыбке. У нее маленькие зубы, неестественно маленькие, будто детские, а глаза такого же серого цвета, как и платье.

– Так-так, Торкильд, – произносит она, сложив руки на коленях, – тюремный соцработник пишет, что вы решили принять участие в программе по социализации бывших заключенных. Это очень хорошо, – она снова улыбается, особенно выделив слово «хорошо».

Я киваю:

– Да-да, я уже посетил социальную службу, мне помогли найти жильё, выдали направления к психиатру и участковому, подсказали контакты нужных учреждений. Они – настоя-

щая группа поддержки! Теперь мне есть с кем обсудить прошлое и с кем планировать будущее, чтобы наконец-то покончить со своими криминальными наклонностями. Раз уж на то пошло, думаю, я на пути к полной реабилитации!

Ильяна не замечает иронии в моих словах и разворачивается к монитору:

– Вы закончили полицейскую академию, – говорит она, прокручивая вниз досье. – Сначала рядовой, затем сержант и, наконец, перешли в прокуратуру, где в итоге стали уполномоченным по надзору за деятельностью полиции…

Она в нерешительности проводит кончиком языка по передним зубам и снова обращает взгляд на меня, уже переменившись в лице.

Я играю на опережение:

– Именно так – полиция, следящая за полицией.

– Понятно. Ну что, тогда попробуем снова устроить вас туда? Как только вы придете в форму, разумеется.

– Лишен звания, – с улыбкой произношу я и вновь ощущаю болевые позывы в щеках и диафрагме. Кроме того, в горле жутко пересохло и стало трудно говорить.

– То есть как?..

Я открываю бутылку с водой и жадно пью в надежде, что от этого станет легче.

– По приговору суда мне запрещено работать в полиции.

– И сколько продлится этот запрет?

– До самой смерти, – отвечаю я, закручиваю пробку и ставлю бутылку на пол, рядом со стулом. По коже лица пробегает мелкая дрожь, и я чувствую, как скоро она перерастет в дикую пульсирующую боль, – и еще немного после нее.

– И чем вы, в таком случае, собираетесь заниматься?

– Вот я как раз и надеялся, что вы мне с этим поможете. – Снова поднимаю бутылку и сжимаю в руках. Головная боль, дурной запах, яркий свет, отсутствие кислорода в воздухе и необходимость сидеть и разговаривать с совершенно незнакомым госслужащим – всё это совершенно выводит меня из себя. Мне срочно нужно остаться одному, в какой-нибудь комнате без отражающих поверхностей. И тем не менее я понимаю, что должен завершить начатое. Ульф утверждает, что другого пути нет.

Ильяна опять изучает письмо, а затем оборачивается к монитору.

– В письме сказано, что вы запрашиваете социальное пособие, пока проходите реабилитацию.

Я киваю:

– Пока не вполне ясно, насколько я работоспособен после случившегося «инцидента», – я рисую в воздухе кавычки. – Тем не менее мы вместе с моими тьюторами, тюремным соцработником, сотрудниками больницы, капелланом, лечащим врачом, психологом и моим другом психиатром решили, что я во что бы то ни стало постараюсь вернуться к трудовой жизни.

– Инцидент? Я не совсем поняла…

– А разве в письме не сказано? – я указываю пальцем на нужную строку. – «Гражданин Торкильд Аске произвел попытку повешения на трубе общественного душа после нескольких месяцев заключения». Скажу больше, это было в разгар рождественских каникул.

– Как же… – от неожиданности у нее дрожит голос, – и чем всё закончилось?..

– Труба не выдержала.

Ильяна смотрит на меня так, словно в любую секунду я могу на нее напасть, а то и покалечить себя самого, воспользовавшись, например, пластиковым бананом из миски на ее письменном столе.

– Хорошо… – в ее голосе звучит сомнение. Она глубоко вдыхает и откашливается. – А вы не думали получить другую специальность?

– И кем я стану? – я снова сжимаю бутылку, пока из нее не начинает капать вода. Она стекает на пол по моим пальцам. – Мне сорок четыре, и у меня черепно-мозговая травма. Кем я стану, инженером-нефтяником? Биржевым маклером? А может, медбратом-стоматологом?

Украдкой взглянув на часы в правом углу экрана, Ильяна с вернувшейся бодростью духа сообщает:

– Предлагаю дождаться результатов рассмотрения вашей заявки на пособие. Ну а пока мы можем подыскать для вас различные варианты возвращения к трудовой жизни. Не в полиции, разумеется. – Она снова что-то печатает, листает письмо и печатает еще, после чего довольная поворачивается ко мне. – Что вы думаете насчет работы в колл-центре?

Глава 2

Решаю попробовать заесть боль в щеках и диафрагме и покупаю сэндвич в кафе возле центра занятости. Затем я направляюсь вверх по Хоспиталгата и дальше, через Педерсгата, к дому, в котором получил комнату с помощью тюремной соцслужбы. В моем почтовом ящике лежит каталог мебели и конверт на моё имя. Я знаю, что лежит в конверте. Всё как обычно. Единственное, что меняется, – это возраст детей. Они растут, а их лица никогда не бывают одинаковыми. На самых первых фотографиях, вырезанных из газет и каталогов, были личики младенцев. Поначалу она посылала еще и вырезки детских кроваток, погремушек, бутылочек и молокосборников.

Я забираю конверт и каталог, поднимаюсь к себе и запираюсь в квартире изнутри. Почту я кладу на стол, стоящий между двуместным диваном и пустой телетумбой. Иду на кухню и достаю дозатор для таблеток из шкафчика над плитой. Открываю ячейку, высыпаю содержимое срединного контейнера себе в ладонь и запиваю глотком воды из бутылки. После этого включаю кофеварку и сажусь на диван с конвертом в руках.

На этот раз в нем две вырезки. На первой – мальчик семи-восьми лет со слегка вьющимися каштановыми волосами. Он одет в яркую футболку, на которой нарисована плавающая у рифов рыба в шляпе и с трубкой. Снизу значится текст: «Одежда для игр и активных забав – джинсы, брюки, футболки, куртки и многое другое. Яркие и ноские наряды каждого ребенка».

На следующей вырезке – девочка того же возраста. На ней розовая куртка с воротником из искусственного меха, тесные брюки и нарядная футболка в тон. «У нас есть джинсы на каждый день! Практичная одежда для активных игр, праздничные наряды и любая повседневная одежда».

Я аккуратно засовываю вырезки обратно в конверт. Перед тем как откинуться на спинку дивана и закрыть глаза, я толкаю конверт вместе с мебельным каталогом на другой край стола.

Раздается телефонный звонок.

– Ну и? – спрашивает грубый мужской голос с типичным бергенским выговором. Тот, кому он принадлежит, жадно, почти с порнографическим наслаждением, затягивается сигаретой. Ульф Сульстад – психиатр и куратор моей только что созданной группы психологической поддержки. – Как прошла встреча?

Я познакомился с Ульфом, когда сидел в ставангерской тюрьме, где тот отбывал восемнадцать месяцев за вымогательство, что, впрочем, едва ли отрицательно сказалось на его клиентской базе. Напротив, среди состоятельных горожан с проблемами он стал еще более востребованным после выхода из тюрьмы.

– Прекрасно, – кисло отвечаю я. – Мне, очевидно, уготована блестящая карьера оператора колл-центра.

– Рассла-а-бься, – Ульф неестественно тянет звук «а», даже для уроженца Бергена, – просто терпи и исполняй все процедуры этой запутанной программы, которую они создали для таких, как ты. В этом и заключается смысл: отсеять тех, кто недостаточно силён. Я обещаю, что как только мы добьёмся для тебя пособия по безработице, там уж ты и в люди выйдешь. А пока – радуйся своей страховке.

– Что?

– Слушай, – резко отвечает Ульф, пока я кручусь на диване в поисках бутылки с водой, – я польщён, что ты захотел видеть меня куратором своей группы, и обещаю сделать, что могу, чтобы ты зажил той жизнью, какой хочешь жить, Торкильд. – Я слышу, как потрескивает его сигарета.

– Мне нужен оксазепам, – говорю я и животной хваткой вцепляюсь в бутылку с водой. – Скоро он закончится. Кстати, надо поднять дозу оксикодона.

– Боль стала хуже?

– Да, – отвечаю я, – а еще у меня в ногах судороги при ходьбе.

– Может быть, нам лучше посмотреть, что там с дозировкой нейронтина?

– Нет, – я хлопаю себя по щеке и прижимаю указательный палец к поврежденной коже. Лицо опять начинает жечь от боли, – из-за него у меня страшная мигрень. И из-за рисперидона. Я их не переношу.

– Торкильд, ну мы же говорил об этом. Нейротин – это препарат от нервной боли. Тебе, скорее всего, придется принимать его до конца жизни. Рисперидон – это антипсихотик, и он тебе всё еще нужен, в наивысшей степени. С бензодеазепинами всегда так – люди думают, что их нужно принимать больше. Потому что они снижают тревогу, как и оксикодон. Это всегда так, но они вызывают зависимость, и ты это знаешь. Уж если снижать дозу, то начнем с них и постепенно будем смотреть, как ты приводишь себя в порядок, будучи на свободе, хорошо?

– У меня бессонница, – фыркаю я и пяткой толкаю почту на пол с края стола. Я знаю, что он прав, и это меня раздражает.

– Да, бессонница, – спокойно отвечает Ульф, – поэтому я и выписал тебе саротен. – Он тяжело откашливается и продолжает: – Ты ведь принимаешь их все, да?

– В смысле?

– Таблетки. Ты их пьешь?

– Конечно.

– А рисперидон?

– Да.

– Ты же понимаешь, что он тебе нужен?

– Да, понимаю, – бубню я в ответ.

– Прекращай! – обрывает меня Ульф. – Я не твой чертов тюремный священник с сутулой спиной, который пытается выбить тебе квоту на небесах. – У него снова одышка. Я нарушил его ритуал курения, и теперь ему придется зажечь новую сигарету, как только докурит эту до фильтра.

– Он сказал, что я – пчела без цветов.

– Кто сказал?

– Священник.

– Ты шутишь?

– Нет.

Ульф зажигает новую сигарету и тяжело вздыхает в трубку.

– Расскажи, что там было. Сделай мне приятное.

Решаю доставить Ульфу удовольствие, пока он курит, и рассказываю:

– Я пчела, живущая в мире без цветов, и моя задача – верно распорядиться своим временем, пока не пришла зима.

– Зима? – он выпускает дым и начинает дышать так, словно выполняет дыхательные упражнения. В каждом его вдохе и выдохе я слышу благодарность.

– Зима, которая рано или поздно накроет наши жизни, – я продолжаю рассказ и чувствую, как расслабляются мои мускулы. Я откидываюсь на спинку дивана, и облокачиваюсь на подушки. Эффект от хороших таблеток растворяет боль, и она проходит.

– Да ты издеваешься надо мной, я же вижу. Просто скажи, что ты шутишь. Торкильд?

– Нет, я не шучу. Так волны бьются о скалы: шшш… ууууух. Шшш… ууууух.

– Худшее из того, что я слышал: шшш… уууух. Возьму на вооружение.

– На здоровье! Послушай… – я уже хотел было продолжить, но Ульф меня прерывает: – Кое-кто хочет с тобой поговорить. Вы знакомы. В прошлом.

Он мнется в нерешительности, как будто еще не уверен, стоит ли мне рассказывать об этом, не получив согласия от остальных участников этой ситуации.

– О ком ты?

– Дядя той самой Фрей, – наконец отвечает Ульф и добавляет: – И его бывшая жена, Анникен Моритцен.

– Дядя Фрей? Арне Вильмюр? – беспокойство во мне растет. Во рту сразу же пересохло, и свет, просачивающийся сквозь флисовый плед, растянутый на окне, вдруг начал слепить глаза. – А в чём дело?

– Фрей тут ни при чем, – напряженно отвечает Ульф, будто бы не полностью уверенный, что всё делает правильно. – Арне и его бывшая жена, у них есть общий сын…

– Арне гей, – упрямо парирую я. Мне не нравится то, к чему клонится наш разговор, а беспокойство и желание расстелить постель, выключить свет и закрыться от звуков с улицы только растёт.

– Так или иначе, – спокойно отвечает Ульф, лишая меня оправдания для отхода ко сну, – у него есть и бывшая жена, и сын.

– А я тут при чём? – я жмурюсь и отворачиваюсь от флисового пледа, и от света, который через него падает.

– Ты просто дай мне закончить, – шепчет Ульф и тяжело выдыхает, – так вот: Анникен Моритцен – одна из моих пациенток. Ей нужно… – он опять медлит и глубоко вдыхает перед тем, как продолжить. – Им нужна помощь. Их сын пропал.

– Я вам не частный детектив.

– Нет, боже упаси, – будто подавившись, отвечает Ульф, – но Анникен моя подруга, и я готов на многое, чтобы помочь ей в этой ситуации. И потом, у вас с Арне общее прошлое, от этого никуда не уйти, и сейчас он просит о разговоре с тобой. Думаю, уж это ты можешь сделать.

Кожа на моем лице пульсирует, а вместе с ней белки глаз и мозговая кора.

– Прошу тебя, – я стону сквозь стиснутые зубы, – не сегодня. Не сейчас.

– Поговори с ними. Послушай, что они скажут.

– Я не хочу.

Ульф опять вздыхает:

– Ты сам вытащил свой жребий, Торкильд, ты опускался на дно и снова поднимался. Ты изменился, – он снова глотает воздух и тушит сигарету. Недокуренную, сломанную. – Не позволь своей комнатке стать новой тюремной камерой. Тебе нужно выйти наружу, начать общаться с людьми и понять, кем ты хочешь стать в этой новой жизни вне тюремных стен.

– Знаю, – процеживаю я и опять облокачиваюсь на спинку дивана. Я открываю глаза, силой направляю взгляд к флисовому пледу, подсвеченному солнцем, и не отвожу, пока жжение не становится невыносимым.

– Что-что?

– Я это знаю.

– Уверен? – отвечает Ульф Сульстад более спокойным, терапевтическим тоном, – Хорошо, – продолжает он, а я всё не отвечаю. Теперь он дышит спокойнее. – Ну тогда ты заходи попозже, заодно посмотрим, что там с дозировкой. Согласен? Идёт?

Третью попытку докурить сигарету до конца Ульф Сульстад проведет в одиночестве.

Глава 3

Арне Вильмюр стоит рядом с Анникен Моритцен. Та сидит в офисном кресле, ее руки лежат на письменном столе. За ними – три окна высотой от пола до потолка, обрамляющие городской пейзаж с его шумными шоссе, зелеными зонами и коммерческой застройкой. Арне одет так же стильно, как и в нашу первую встречу – почти четыре года назад на его вилле в восточном Стурхауге. Но волос поубавилось, а лицо стало бледнее.

– Торкильд Аске? – уточняет Анникен Моритцен, не вставая с кресла.

– Да, это я, – отвечаю и неохотно подхожу ближе.

– Рада встрече, – безрадостно произносит она. От ее запоздалого рукопожатия веет равнодушным презрением, а правый уголок рта не реагирует на попытку улыбнуться, оставаясь будто парализованным. Всё это скорее смахивает на оскал.

Арне Вильмюр не подает и знака почтительности, когда я приветственно протягиваю ему руку.

– У меня есть его фотография, – Анникен вытаскивает её из одного из ящиков в столе.

– Какой чудесный! – пытаюсь я произвести впечатление. Наклоняюсь к ней и беру фотографию обеими руками, чтобы она не упала на пол, выскользнув между пальцами.

– Она сделана пять месяцев назад, когда мы гостили у моих родителей в Ютландии.

Диалект Анникен напоминает речь обеспеченных жителей Ставангера, хотя до сих пор выдает в ней датчанку. Ей чуть за пятьдесят, на ней тёмно-синий пиджак, юбка в тон и белая рубашка, две верхние пуговицы на которой расстёгнуты. Меня осеняет, что она, похоже, на целую голову выше своего бывшего мужа.

– Наверное, расти в таком месте просто чудесно.

В её глазах читается: «Я знаю, что ты за тип». Но всё же она этого не произносит.

– Это последняя его фотография.

Её взгляд замер на снимке, она как будто перенеслась туда, в родительский сад. Они вместе жарят барбекю и потягивают морс. Её сын Расмус следит за грилем, одетый в красные шорты команды Ливерпуль, сандалии и белый поварской колпак. На его атлетическом теле бронзовый загар. Дед тостует с рюмочкой чего-то крепкого в руках, а Анникен сидит на стуле и подмигивает камере.

– Расмус со школьными друзьями плавал вокруг света на паруснике весь прошлый год.

Произнося эти слова, Анникен мечтательно смотрит на обратную сторону фотографии, будто бы пытаясь вобрать в себя остатки энергии, которую приносят ей эти воспоминания.

– Но после поездки в северную Норвегию Расмус задумал перестроить заброшенный конференц-зал на одном острове с маяком в «отель впечатлений».

– Отель впечатлений?

– Дайвинг по затонувшим кораблям, рыбалка с гарпуном, ну и другие подобные морские развлечения на свежем воздухе. Расмус сказал, что это очень популярно за границей.

– Сколько ему? – спрашиваю я, хотя ответ мне известен. На автобусе по пути в Форус я нашёл заметку в сетевой газете из Трумсё, где говорилось о пропавшем без вести молодом человеке двадцати семи лет, который, как предполагается, погиб в результате неудачного погружения с аквалангом недалеко от посёлка Шельвик, в коммуне Блекёйвер.

– Нашему Расмусу двадцать семь лет.

– А когда он туда уехал?

– Анникен купила ему дом прошлым летом, – отвечает Арне. За окном за его спиной бриз снова стал гонять тучи по небу. Их бледно-серые туши торопливо плывут на юго-восток.

Анникен кивает, не смотря ни на одного из нас.

– Этот остров опустел, когда в восьмидесятые там закрылся конференц-зал. Расмус отправился туда вместе с парой друзей, чтобы помочь всё отреставрировать, пока не закончатся каникулы.

– Когда он пропал?

– Последний раз я говорила с ним в пятницу, пять дней назад. Полиция нашла его лодку вчера утром. Вот они и решили, что он вышел в море для занятия дайвингом либо в субботу, либо в воскресенье.

– Ну а ты что? – я поднимаю взгляд на Арне: он смотрит перед собой своими пустыми глазами, как солдат в стойке смирно, а дождь уже накрапывает по окнам за его спиной.

– Они не особенно тесно общаются, – вступается Анникен и прижимает руки к груди, будто внезапно оказавшись под ливнем.

– Он жил один перед тем, как пропал? – спрашиваю я и вглядываюсь в оттенки серого за стеклом.

– Да, прошлый месяц он провёл там в одиночку.

– Почему полиция решила, что он утонул?

«Еще немного, Торкильд», – торжественно шепчет мне внутренний голос под звуки разбивающихся о стёкла капель воды. – «*Еще пара вопросов, и можно ехать домой».*

– Когда они нашли лодку, оборудования для погружений на ней не было. Расмус обычно отплывает к рифам рядом с островом и там погружается, когда есть время. В пятницу он сказал, что хочет сплавать в выходные, если погода будет хорошей.

– Есть ли у вас причины полагать, что с ним случилось что-то другое и это не несчастный случай?

– Нет.

На лице Анникен написано раздражение. Видимо, я прервал её на том самом месте, где прерывали и все остальные, с кем она разговаривала после пропажи сына.

Я чувствую, что мне всё сильнее хочется подойти к ней и хорошенько встряхнуть, сказать ей, что пришла пора очнуться. Перестать мечтать. Всё это ведёт в никуда, а в итоге – только разбитые сердца и разорванные на части души. Все эти сны, которые мы видим с открытыми глазами.

– Я отправилась туда, как только он перестал мне отвечать. Я чувствовала, что что-то здесь не так, – Анникен поворачивается к бывшему супругу, – я ведь тебе это говорила. Он бы точно перезвонил. Он всегда перезванивает.

Арне осторожно кладёт руку на её плечо и молчаливо кивает.

– Но в тот день погода была плохая, – продолжает она. – Местный шериф и инспектор отказались везти меня к маяку. Они обращались со мной как с больной истеричкой, которую только и оставалось, что отправить в отель в Трумсё, в ста километрах оттуда, а сами сидели в своих офисах в полном бездействии. Никто не хотел мне помочь, никто ничего не делал. Они так и сидят в своих конторах, понимаете? Так и сидят там и не делают ничего, а мой сын в это время в открытом море и ему нужна помощь! – Она горько всхлипывает. – Поэтому я снова приехала домой, Арне, – шёпотом говорит она, и её глаза наполняются слезами. – Ведь ты говорил, что найдешь кого-нибудь, кто сможет нам помочь. Тот, кого они станут слушать. Неужели ты не помнишь? Ты обещал найти того, кто нам поможет.

Арне закрывает глаза. Анникен снова поворачивается ко мне.

– Послушайте, Аске, – она глубоко вздыхает и отирает щёки тыльной стороной ладони. – Шериф и инспектор заговорят с вами, я уверена. Вы сможете его найти, – поизносит она с теплой улыбкой, которую вызвала в ней эта мысль. Она тешит себя надеждами, что еще не поздно что-нибудь предпринять. – Да, вы сможете его найти. Ради меня.

Мой взгляд снова падает на мужчину с фотографии. Когда мне было столько же, сколько Расмусу, я был старшим полицейским инспектором в Финнмарке и занимался в своё время тем, что пытался убедить водителей скутеров не дробить дорожные знаки на кусочки.

– Я совсем не детектив, – начинаю я и кладу фотографию на стол.

– Мы тебе заплатим, – встревает Арне, – о деньгах не беспокойся.

– Дело не в этом, – я понижаю голос. Мне предстоит сказать, что уже слишком поздно. Что невозможно в таких условиях прожить неделю в океане, а потом вернуться целым и невредимым. Но Арне Вильмюр уже оторвал свой стеклянный взгляд от спинки стула и идёт ко мне, огибая письменный стол.

– Идём, – говорит он, хватая меня за предплечье, и грубовато указывает на дверь, – давай продолжим разговор снаружи.

Мы оставляем Анникен внутри и выходим в подъезд, к лифтовой шахте.

– Вот так, – говорит Арне и выпускает мою руку, когда мы оказываемся снаружи. Он нажимает на кнопку лифта и поворачивается ко мне, – снова ты да я.

– Послушай, – пытаюсь я заговорить, но он сразу же меня прерывает.

– Мой сын мёртв, – говорит Арне, спокойно поправляя свою строгую рубашку, – тут нечего расследовать. – Он заканчивает с рубашкой и смотрит на меня в упор. – То, что ты должен сделать, – это поехать туда, найти мёртвое тело и привезти его домой.

– Господи, – восклицаю я и в отчаянии взмахиваю руками, – но как?

– Плавай, ныряй, прыгай через пылающие кольца пламени, мне плевать как. Я потерял Расмуса, когда оставил семью много лет назад. Но он не может просто исчезнуть, как будто его никогда и не было. Нам нужна могила, к которой мы будем приходить, – он сжимает челюсть, и взгляд его становится твёрже, – и я знаю, что именно ты можешь нам помочь. Называй это как хочешь, хоть расплатой по старому долгу, но найди его и верни его домой.

– Арне, – начинаю я, – прошу тебя. – То, что было с Фрей, нельзя сейчас использовать. Не таким образом…

– Всё нормально, Торкильд, – продолжает он так же спокойно и медлительно, как и прежде, но всё-таки я вижу, как поднимается и опускается его грудь под футболкой, – не надо о ней говорить, – продолжает он, – ещё рано. Пока ты не нашёл Расмуса и не привёз его или его тело домой. Потом можешь ползти обратно в ту дыру, из которой ты вылез, и делать, что тебе вздумается до конца жизни. Но сначала дождись этого момента, а я буду тебе платить. Понял?

Лифт уже приехал и снова исчез в шахте, когда Арне развернулся и пошёл обратно в офис Анникен. Он останавливается у двери спиной ко мне.

– Нам нужна эта могила, Аске, – говорит он и кладёт руку на дверную ручку. – Ещё одна могила. Неужели, чёрт возьми, я о многом прошу?

Глава 4

Под вечер моя комната становится совсем серой. Тусклый свет, падающий от окна в гостиной, на которое я навесил флисовый плед, только усиливает этот цвет смерти – комната и без того пронизана им от пола до потолка. Я слышу, как за окном стекает по трубам дождевая вода, как гудят машины, проезжая по вантовому мосту, соединяющему город с Грасс-холменом, Хундвогом и другими островами на той стороне.

Я лежу в кровати. Где-то сзади потрескивает радио в такт булькающей кофеварке.

По радио хрипло поет Леонард Коэн: *«…You who wish to conquer pain, you must learn what makes me kind…»*[1]. Когда мы только начали лечение, Ульф предложил мне слушать музыку после вечернего приема лекарств – это повысит седативный эффект, который требуется организму, чтобы побороть трудности с засыпанием. Но я всё-таки предпочитаю радио, ту неопределённость, которую оно привносит.

Я поворачиваюсь на бок, обращаю взгляд в темноту, там, где между стенкой и кухонным углом стоит стул, и слышу какой-то звук.

– Фрей? – я глотаю воздух и поднимаюсь с постели. Снова звучит голос Коэна, мягкий, как виолончель: «*…You say you've gone away from me, but I can feel you when you breathe…*»[2].

В комнате сразу запахло землей и сыростью. Я осторожно сползаю с дивана и встаю. Я чувствую сильное покалывание где-то внутри. Меня переполняет нетерпение и радость в предвкушении того, что́ сейчас произойдёт.

Я подхожу к стулу и протягиваю руку к темноте передо мной. Радио снова потрескивает, затихая, и музыку сменяет назойливый шум осеннего дождя за окном, вплетающийся в тишину.

Мы танцуем. Движемся точно в ритме холодильника, позвякивающего в моей тесной кухне. Ни музыки, ни света, только шум дождя и разорванное небо над нами. Мне плевать на пылающие от боли щеки. Всё что я вижу – это её губы, слегка дрожащие в такт фигуре, монотонно раскачивающейся из стороны в сторону.

– Я и подумать не мог, что увижу тебя снова, – всхлипываю я судорожно и чувствую, как под кожей моего лица что-то возгорается, и тут же слёзы, копившиеся в воспаленных слёзных каналах, наконец-то вырываются на свободу.

Её непокорные каштановые волосы совсем потускнели и утратили былой блеск. Былые ароматы неизвестных растений, пряностей и ванили сменила сырая дымка стерилизующего мыла и холодной земли. Её запах, наш запах – его больше нет, он смыт временем, которое мы провели в разлуке.

– И всё-таки ты вернулась.

Я соединяю её пальцы со своими, придвигаюсь поближе и пытаюсь зарыться в её волосы, вдыхаю их запах снова и снова, пока её голова с тяжестью не падает мне на грудь.

– Давай же, – я устало глотаю воздух, обхватываю её бюст и придвигаю к себе.

Мы, шатаясь, доходим до раскладного дивана, я снимаю с окна плед и кладу его на плечи, как плащ, а потом залезаю к ней. Я чувствую, как меня трясет, когда её холодное тело соприкасается с моим.

Трясёт от счастья.

---

[1] Ты, желающий боль превозмочь, должен узнать, что делает меня мягче *(англ.)*.

[2] Ты говоришь, что убежала от меня, но я чувствую твое дыхание *(англ.)*.

Глава 5

Первый день с Фрей, Ставангер, 22 октября 2011 года.

Недавно я вернулся на работу в бергенскую прокуратуру после полугода жизни в Штатах. Когда по поручению меня отправили в Ставангер, я оказался у крыльца виллы в западной части района Стурхёуг. Там мне предстояло встретиться с адвокатом, работавшим над одним из двух дел, ради которых я прибыл в город.

Первое из них касалось возможного случая разглашения служебной тайны, предположительно произошедшего по вине одного из сотрудников местного суда. Он работал над делом о компенсации средств, в котором участвовали две иностранные нефтяные компании.

Второе было гораздо серьезнее. На сотрудника управления полиции Ставангера подал жалобу его коллега, где сообщал о многочисленных нарушениях уголовного кодекса и закона об огнестрельном оружии. Я назначил допрос с полицейским, на которого подали жалобу, ближе к концу недели.

– Ты кто? – спросил голос за моей спиной, когда я уже собирался позвонить в дверной звонок. Светило солнце, погода стояла тёплая и мягкая, хотя осень уже подступилась к листьям на деревьях. Я резко обернулся. У неё были запоминающиеся узкие глаза и лицо овальной формы, его окружали кудрявые локоны, их подхватывали узелки.

– Торкильд Аске, – ответил я и сделал шаг в сторону. – А ты кто?

– Фрей, – сказала она и поднялась по ступенькам, поравнявшись со мной. Фрей было слегка за двадцать, она была почти одного со мной роста. – Что ты здесь делаешь?

– У меня сейчас встреча, в пять часов, с Арне Вильмюром. Он ведь здесь живёт?

– Ты из полиции?

– В каком-то смысле.

Фрей положила руку на перила и слегка отклонилась назад, обратив на меня свой молодой горящий взгляд; мне хотелось отвернуться от стыда за свой возраст и несовершенство собственного тела.

– В каком таком смысле?

– Я работаю в прокуратуре, наш отдел как раз занимается…

– Ага, бывший Особый Отдел, – она криво ухмыльнулась, не дав мне закончить, и стукнула в дверь свободной рукой. – Так чего тебе, собственно, нужно в доме дяди Арне? Его арестуют?

– Как я и сказал, я…

– Фрей? Это ты? Забегай внутрь и закрой за собой дверь, – послышался мужской голос откуда-то из дома. – Мне кажется, у нас под крыльцом осиное гнездо. Еще не хватало, чтобы эти мерзкие твари залетели в гостиную.

Я на секунду взглянул на небо, на слепящий солнечный свет, прежде чем снова взглянуть на Фрей. Она отпустила перила, сбросила с ног сандалии и босой зашла на паркетную плитку светлого коридора, который вел в гостиную.

– Там какой-то мужчина, – сказала она ровно с такой громкостью, чтобы я её услышал. – Вроде бы полицейский, хочет с тобой поговорить.

Четверг

Глава 6

Зрелище, которое я по утрам наблюдаю в зеркале, напоминает жуткое привидение из преисподней. Нездоровый цвет лица, посеревшая от недостатка солнечного света и витаминов кожа. Сощуренные глаза, под ними изогнутые дугами сине-лиловые круги; припухлые веки, которые я могу лишь слегка приоткрыть.

Я умываю лицо, провожу влажными пальцами по шраму в форме полумесяца под глазом и дальше, к грубому уплотнению на коже посередине щеки; я дотрагиваюсь до каждой впадинки, до каждой неровности. Почти сразу возвращается боль.

– Я не могу, – шепчу я лицу в зеркале, пока вожусь с отсеком коробочки для лекарств, в котором лежат утренние таблетки. – Он не знает всей ситуации. Я еще не готов.

Проглотив таблетки, я одеваюсь и подхожу к окну. Приподняв плед, я выглядываю в окно: сегодня один из дней, когда нет ни солнца, ни дождя, всё окрашено в серо-голубые оттенки; небесный свет как будто бы горит только вполсилы. Я сразу отворачиваюсь, заметив мужчину в шлеме, плотно облегающей футболке и велошортах, который на велосипеде подъезжает к моему общежитию. Он останавливается у подъезда, смотрит на окно, у которого стою я, и вытаскивает мобильник. Ульф Сульстад довольно крепкого сложения, ростом примерно метр девяносто пять. Он почти лысый, с плотным пучком рыжих волос на затылке, собранных в конский хвост. Ульф чем-то напоминает самурая.

Я отпускаю плед и иду к дивану, как только телефон начинает звонить.

– Доброе утро, Торкильд, – произносит запыхавшийся Ульф, когда я наконец беру трубку. – Анникен Моритцен недавно звонила, сказала, что получила от тебя сообщение.

– Верно. – Я опускаюсь на диван и пытаюсь сосредоточиться на покалывании в щеках, чтобы усилить его и предоставить боли контроль над собой. – Я не могу туда поехать.

– Почему?

– В этом нет смысла.

– Почему?

– Арне сказал, что их сын мёртв.

– И он в этом прав.

– Господи, – в отчаянии выкрикиваю я, – ну так и чего вы, чёрт подери, от меня ждёте?

– Мы делаем это для Анникен, – спокойно отвечает Ульф. – В один из дней они найдут её мальчика. Мерзкого и распухшего от пребывания в море, где им питались рыбы и крабы. Но это всё ещё её сын, понимаешь? Я пытаюсь тебе объяснить, что она не в состоянии вынести всё то, что скоро случится. А ты ведь говоришь на полицейском языке, ты знаешь, как делаются такие дела, что за чем идёт. Наверное, для неё это в первую очередь способ доказать себе, что она не сдаётся. Никто не сможет сдаться, пока не узнает правду, Торкильд. Пока не пройдены все пути. Неужели ты не согласен?

Я не отвечаю, просто сижу с мобильником в руке и смотрю в сторону окна, накрытого флисовым пледом.

– Спускайся, Торкильд, – продолжает Ульф, не дождавшись от меня ответа.

– Нет, – мой голос срывается, и слёзы уже проступают, но заплакать я не могу из-за воспаленных слезных каналов.

– Тогда впусти меня, и я поднимусь к тебе.

– Не хочу.

– Либо ты спускаешься, либо впускаешь меня – иначе я никуда не уйду.

– Ты не сможешь, – отвечаю я, не найдя лучшего аргумента, – тебе нужно на работу.

– Утренние часы я сегодня запишу на твой счет, – отвечает Ульф, всё ещё держа себя в руках, все ещё не закурив. Все ещё не желая сдаваться.

– Чёрт побери! – я вскакиваю с дивана. – Ну как можно быть таким упрямым?! Понять не могу! И что – вот поеду я туда и буду бродить по этому гребаному острову в поисках парня, о котором все говорят, что он мёртв, что он утонул и навсегда ушёл в мир иной?

– У меня, кстати, есть еще одна причина, чтобы отправить тебя туда.

– И это?..

– Элизабет.

– Моя сестра? А она тут при чём?

– Ни при чём.

– Ну и?

– Когда ты её в последний раз видел?

Я упрямо повожу плечами.

– Я хочу, чтобы ты с ней поговорил, когда окажешься там.

– О чём?

– О себе, о том, через что ты прошёл.

– Зачем?

– Отнесись к этому, как к обязательному этапу твоей новой жизни, Торкильд. Ты больше не ведешь допросов. Сборщика информации больше нет, он лишён чести и звания. Теперь ты такой же, как и все мы… распространитель информации. Как болезненно, наверное, это принять.

Неделикатность психологических приёмов Ульфа может быть трудно перевариваемой пищей для уверенных в себе людей с завышенным эго. К счастью для меня, моё эго мертво, а уверенность в себе давно съехала от меня на другую квартиру с улучшенными условиями.

– Тебе нужно окружить себя ответственными людьми, – продолжает Ульф, – но кроме этого, тебе нужно обрести крепкую систему ценностей вне терапевтического круга. И первый человек, которого я хотел бы, чтобы мы ввели в эту парадигму, – твоя сестра Лиз. Я знаю, что ты любишь её сильнее, чем ты можешь себе признаться. Кстати, я подумал над тем, о чём мы вчера говорили, и решил выписать тебе рецепт на оксикодон в дорогу, так что у тебя будет препарат с быстрым эффектом, если он тебе понадобится. Что думаешь?

Я чувствую, как начинает покалывать в диафрагме и выше, вдоль позвоночника, до самого затылка, и одновременно с этим увеличивается слюноотделение.

– Сколько?

– Как и раньше.

– А что, если мне придется торчать там больше недели?

– Тогда я вышлю тебе электронный рецепт туда, где ты будешь находиться.

Я бросаю трубку на телетумбу и прижимаю костяшки пальцев ко рту. Боль в щеках прошла, испарилась, в тот единственный чёртов раз, когда она была мне нужна.

– Господи, господи, господи! – шепчу я сквозь пальцы и кусаю их, после чего делаю вдох и поднимаю мобильник со стола. Я снова приподнимаю краешек пледа. – Ладно, – шёпотом говорю я в трубку, – я поеду. Поднимайся.

Ульф всё еще говорит по телефону, когда я открываю входную дверь. Он кивает мне и заходит в квартиру. Сорвав с окна плед, Ульф плюхается на диван. Тот трещит от нагрузки.

– Да-да, а во сколько он поедет дальше, в Трумсё? Полчетвёртого? Хорошо, – он щелкает пальцами и мотает головой, указывая на мини-кухню.

Я в недоумении пожимаю плечами:

– Что?

– Пепельницу, чёрт подери! – Ульф сбрасывает с себя рюкзак и выуживает оттуда кошелёк и пачку «Мальборо Голд». Затем, яростно щелкая большим пальцем по зажигалке, прикуривает сигарету и глубоко затягивается.

Терпкий запах сигаретного дыма подбирается к ноздрям и впивается в кожу щек. Я разворачиваюсь и захожу в ванную, чтобы собрать сумку – кладу в отдельный пакет электробритву, пластиковый контейнер с таблетками, зубную щётку и прочие принадлежности для гигиены. После этого иду на кухню, чтобы упаковать кофеварку и переносное радио, пока Ульф заканчивает телефонный разговор.

– Эй, эй, эй! – выкрикивает Ульф из своего облака сигаретного дыма, глядя на кофеварку, которую я оборачиваю полотенцем. – Она тебе не пригодится. В Северной Норвегии есть кофе.

– Мне нравится свой, – протестую я.

– Ой, ну ради бо… А хотя, – он делает взмах рукой и корчит гримасу – да, возьми её. И прихвати туалетную бумагу, щётку для посуды и сушилку для обуви, мне вообще всё равно.

Сказав это, он возвращается к телефонному разговору и каркает в трубку: – Алло? Сколько там получается, вы сказали?

Закончив говорить и закурив новую сигарету, он поворачивается ко мне и качает головой, задерживая в легких сигаретный дым.

– Знаешь что, – говорит он наконец, выдохнув, – я и правда думаю, что эта поездка пойдёт тебе на пользу. Очень даже пойдет.

Глава 7

За окном уже стемнело, когда мой самолёт приземлился в аэропорту Трумсё. Земля покрыта тонким слоем нового снега. Я забираю багаж и выхожу на улицу, чтобы найти такси.

Через пятнадцать минут я добираюсь до дома сестры. Она встречает меня на крыльце и недоверчиво смотрит. – Торкильд?! – и вдруг неожиданно крепко обхватывает меня руками.

– Привет, Лиз! – Рядом с ней приятно находиться, и когда она размыкает объятие, мне не хочется её отпускать.

– Всё хорошо? – она проводит пухлым пальцем по моей щеке, пристально глядя на меня своими круглыми глазами.

– Лучше всех, – отвечаю я.

– Когда ты вышел?

– Пару дней назад.

– И что ты делаешь здесь?

– Я веду дело.

– Дело? Ты вернулся в полицию?

– Нет.

– Н-н… но… – с запинкой говорит она и в недоумении покачивает головой.

– Можно мне войти?

– Да, конечно.

Лиз проводит меня в прихожую, и мы молча стоим и смотрим друг на друга. Она производит впечатление старой уставшей женщины. Летом ей исполнится пятьдесят, но выглядит она старше. Опухшие глаза, будто она недавно плакала. Морщинистые и толстые руки, да и весит она все еще больше, чем надо. Прошедшие с последней нашей встречи годы отразились на нас обоих.

– Почему ты такой грустный, Торкильд?

– Не думай об этом. Как твои дела?

Она слегка отстраняется: – Да у меня-то всё нормально.

– Он всё еще тебя бьёт?

– Торкильд, пообещай мне, что не… – я вижу, как её глаза полнятся отчаянием, и одновременно с этим ощущаю зреющую внутри бурю.

– Я только спросил, колотит ли тебя твой муж. Судя по синякам на шее и на руке, он достиг в своём хобби нового уровня.

– Сейчас я этого не выдержу. Я и Арвид… мы сейчас весьма неплохо живем, и ты не можешь просто так прийти и всё разрушить. Я не хочу этого… И не позволю.

Я качаю головой и захожу в гостиную, не разувшись.

– Где он?

– Торкильд! – истошно кричит она дрожащим истеричным голосом. Она научилась так кричать после долгих лет совместной жизни с агрессивным дальнобойщиком, который не в состоянии держать свои кулаки при себе.

Я слышу скрип наверху и быстро поднимаюсь по лестнице, перескакивая разом через три-четыре ступеньки, а потом распахиваю дверь в спальню.

Арвид сидит на кровати, сгорбившись и отводя глаза, которые прикрыты сальными прядями чёрных немытых волос.

– Какого чёрта ты здесь делаешь? – успевает спросить он, прежде чем я подхожу к нему и даю ногой в лицо. Арвид падает с кровати на пол, где и остаётся лежать.

Через секунду в комнату, тяжело дыша, заходит Лиз и начинает дергать меня за куртку, причитая и вопя:

– Что ты наделал? Что ты наделал!

Арвид наконец поднимается, приложив руку к уху. Выпученными глазами он смотрит на Лиз:

– Видишь? Посмотри, что ты наделала! Этот ублюдок опасен, я всегда говорил! Он чудовище, ты что, не понимаешь?

Арвид сплёвывает кровь и вытирает кулаки о жилет. Лиз отцепляется от меня и бежит к мужу. Она гладит рукой его лицо, приговаривая успокаивающие слова. Арвид разводит руки в стороны и подходит ко мне.

– Думаю, тебе стоит быть чертовски осторожным! Иначе я напишу на тебя заявление, и уж тогда тебе прямая дорога снова за решётку! И ты это знаешь, душегуб проклятый! – рявкает он, проходя мимо. – И если ты будешь здесь, когда я вернусь, то тогда уж пеняй на себя.

Выходя, он толкаем меня плечом и захлопывает дверь.

– …И что, вот такой ты жизни хочешь, Лиз?

Она поставила на стол кофе, печенье и сладкие рулеты. Мы вместе с ней сидим на диване в гостиной, не изменившейся с тех пор, как я был здесь в последний раз. Единственное перемена – кожаное кресло перед телевизором. Несомненно, кресло Арвида.

– Всё не так, как ты думаешь, – она смотрит на меня и решает сменить тему: – Ты говорил с мамой, после того как вышел? Она о тебе спрашивает, когда я звоню.

– Пока что не было времени.

– По словам родных, ей хуже в последнее время, – Лиз смотрит на блюдо с печеньем. – Если бы самолёт до Осло не стоил таких безумных денег… Тем более теперь, когда Арвид стал инвалидом…

– А что отец?

– Всё ещё держится. Видела его в новостях какое-то время назад, в репортаже о стройке нового алюминиевого завода в Исландии. Там передавали, что он возглавляет группу по охране окружающей среды. Что-то наподобие партизанского отряда. Вроде бы они называют себя «Исландия задыхается».

– «Исландия задыхается»? – я смеюсь, воображая горящие глаза и отливающие серебром волосы мужчины, каждый раз вопящего в упоенной эйфории, когда полиция выдворяет их вместе с товарищами с очередного завода или протестной акции против действующих капиталистических сил на нашем вулканическом острове. – Ничего не меняется.

– Ты очень на него похож.

На секунду Лиз бросает взгляд на мой шрам на щеке, прежде чем снова посмотреть мне в глаза.

– Как будто я снова вижу его. Таким, каким помню из детства.

Она икает с такой силой, что всё её массивное тело вздрагивает.

– Ну, кроме волос. Почему ты всегда их так коротко стрижешь?

– Чем же? – спрашиваю я сухо и вижу, как всколыхнувшая ее волна радости начинает спадать. – Чем мы с ним похожи? Наверное, ты имеешь в виду наш уникальный химический состав – мы источаем ржавчину, которой покрывается все, к чему мы с ним прикасаемся.

– Торкильд, я не это имела в виду, ты же знаешь. Я знаю, что ты никогда не хотел… Что случившееся с… Что ты никогда…

– Тогда о чём ты?

– Я только…

Она тянется за сладким рулетом. Её взгляд снова задерживается на моем шраме на щеке.

– Ты всегда была таким красавцем, – печально произносит она и закрывает лицо руками.

– Ну ладно тебе, Лиз, – говорю я и ладонью прикасаюсь к ее руке, пытаясь изобразить в улыбке, что мне не больно, – не все могут так хорошо сохраниться, как ты, когда возраст близится к пятидесяти.

– Боже, прекрати, Торкильд, – всхлипывает она и смотрит на меня сквозь пальцы, – прекрати издеваться, это некрасиво.

– Что?! – я развожу руками. – Я серьёзно.

Наконец она отводит руки от лица.

– Послушай, – начинает она свою речь, – я не думаю, что ты можешь здесь оставаться.

– Расслабься, Лиз, я и не останусь, – отвечаю я. – У меня больше нет прав, и мне нужна помощь, чтобы арендовать автомобиль.

– Арвиду тоже нелегко. – Она всматривается в пустое блюдо из-под печенья, словно ища там, среди крошек, силы снова и снова рассказывать эти сказки, которые она рассказывает себе каждый день, чтобы держаться на плаву.

Сколько бы я ни давал по морде этому мерзавцу, за которого она вышла замуж, он бил ее и будет бить. А она будет вглядываться в блюдо с печеньем в поисках сил жить дальше. Лиз всё еще думает, что это только переходный период, и если она перестанет «провоцировать» его удары, то всё будет хорошо.

Глава 8

Я паркую арендованный автомобиль, который мне достала Лиз, на стоянке отеля и поднимаюсь к стойке администрации. Я заселяюсь и прошу выдать мне парковочный талон. Ехать три часа, включая две переправы на паромах между Трумсё и центром коммуны в Блекёйвере, где Арне Вильмюр организовал мне встречу с местным шерифом на следующее утро.

Из моего номера открывается даже что-то вроде вида. Четырёхугольные здания, фонарные столбы и асфальтовый дорожный край. Северный Париж, по всей видимости, притаился где-то в темноте. Я задёргиваю гардины, открываю чемодан и вытаскиваю кофеварку, хотя в номере и стоит электрочайник.

Скоро мне становится совсем плохо. Уже половина восьмого, и моё тело болит. Тяга унять боль и беспокойство заставляют мои пальцы трястись, когда я достаю контейнер с таблетками и открываю отсек с вечерней дозой.

Таблетки похожи на маленькие личинки насекомых, извивающиеся в моей ладони. Я вылавливаю две оранжевые пилюли антипсихотика рисперидона и кладу их обратно в дозатор, а остальное запиваю глотком воды. После этого я достаю фильтр и банку с кофе, набираю воды в раковине и включаю кофеварку.

Как только первые капли начинают скатываться в стеклянный кофейник, я включаю радио и выключаю свет – всё по порядку. Я раздеваюсь и заползаю под одеяло. Тело уже начало расслабляться. Мутный полумрак комнаты растворяет моё беспокойство и открывает двери, с которыми я не могу справиться сам.

– Наконец-то, – вздыхаю я, прижавшись грудью к коленям, – Наконец-то я готов.

Я лежу и жду, но ничего не происходит. Шумит вентилятор, полярный воздух прорывается сквозь шторы, и я лежу без движения.

Наконец я поднимаюсь и достаю упаковку быстродействующего оксикодона. Выдавливаю две личинки, бросаю в рот и снова ложусь.

Я жду ещё, на этот раз дольше. Наконец на меня накатывает приступ отчаяния. Я одеваюсь и выхожу на улицу.

С другой стороны моста виднеется арктический собор, обрамлённый тёмным холодным полярным небом. Я иду вдоль набережной, пока не оказываюсь у торгового центра около причала со скоростными паромами.

Зайдя в торговый центр, я нахожу магазин парфюмерии. Я осторожно приподнимаю флаконы с полки с пробниками и принюхиваюсь к каждому. Попробовав разные варианты, я беру в руки прозрачный флакон с чёрным маслянистым содержимым и серебристой крышкой – почти что обугленная деревяшка, заключенная в стекло и покрытая серебром, – и иду с ней к кассе.

– Мне её запаковать? – спрашивает продавщица – женщина за пятьдесят, брюнетка с хорошим макияжем, тёмными глазами и окрашенными красным тонкими губами.

Я отсутствующе киваю.

– Ей они точно понравятся, – с улыбкой говорит она и вручает мне пакет с упакованным флаконом духов.

– Да. – Я бросаю взгляд на свою сумку, на красную упаковочную бумагу. – Наверное, не надо было упаковывать. – Продавщица многозначительно прокашливается, а к кассе уже подходит пожилая дама в пуховике с флаконом духов в руках. На крышке флакона нарисована пчела, а на его боку тонкими чёрными буквами выведено слово Honey.

– Так, – у продавщицы бегают глаза, – вы можете просто порвать упаковочную бумагу, прежде чем вручите ей флакон. – Она быстро моргает и поворачивается к женщине с медовыми духами.

– Вам они точно понравятся, – с улыбкой говорит она, – мне их запаковать?

Я закрываю пакет и ухожу.

Как только я возвращаюсь в свой номер, я достаю пакет из парфюмерного магазина и кладу запакованный флакон на кровать рядом с подушкой. Я наскоро раздеваюсь, спиной облокачиваюсь на изголовье кровати, развязываю ленту и избавляюсь от подарочной бумаги.

Аромат духов уже слышен из коробки, хотя я её еще не открыл. Мои веки тяжелеют, и боль в ногах постепенно утихает. Мне нужно торопиться, поэтому я вынимаю флакон из коробки трясущимися руками, пытаясь контролировать волнение от напряжения и предвкушения.

Серебряное покрытие с легкостью соскальзывает, и я открываю защелку, которая предохраняет флакон от распыления. Поток ароматических частиц направляется прямо мне в лицо, когда я нажимаю на кнопку распылителя. Я чихаю и нажимаю еще раз, прежде чем сползти на кровать и закрыть глаза.

Я лежу, уткнувшись лицом в подушку, и жду. Чуть позже я открываю глаза и поднимаюсь. Система вентиляции высасывает из комнаты аромат духов и наполняет её чистым и холодным отельным воздухом.

Я встаю с кровати и проверяю, точно ли закрыты окна, прежде чем снова забраться под одеяло, а потом снова опрыскать лицо духами. На этот раз я опрыскиваю ладони и волосы тоже и еще раз забираюсь под одеяло.

– Чёрт подери!

Я поднимаюсь с кровати и хватаю флакон, открываю защелку и приставляю отверстие ко рту. Арома-частицы обволакивают мои язык и горло. Я роняю духи и, рыдая, падаю на кровать. Набрасываю на себя одеяло.

– Почему ты не хочешь быть со мной? – стону я и пытаюсь зарыться лицом в простыню, пока по телу пробегают судороги. – Неужели не понимаешь, как сильно ты мне нужна?!

Глава 9

Первый день с Фрей, Ставангер, 22 октября 2011 г.

Около виллы в Стурхёуге озеро Хиллевогсванн сверкало в солнечном свете. В пространстве между мебелью, полом и потолком крошечные частички пыли танцевали в лучах солнца, свет которого падал сквозь широкие окна западной стороны. Мы уже почти закончили обсуждать поданную жалобу с коммерческим адвокатом Арне Вильмюром, дядей Фрей, который и дал делу ход. Мы сидели напротив друг друга за стеклянным столом в гостиной, а Фрей лежала в кресле у окна с mp3-плеером в ушах и читала книгу.

– Она работает над заданием.

Арне Вильмюру было за пятьдесят. Цвет его лица точно соответствовал возрасту, волосы были негустыми, но не потеряли яркого тёмного цвета и были зачесаны назад, покрывая макушку.

– А, – я обернулся к лежащей в солнечном свете Фрей. – Что ты изучаешь?

Фрей не ответила, даже не подняла взгляда от книги.

– Юриспруденцию, – ответил Арне Вильмюр, – здесь, в университете Ставангера. – Он потёр кончик своего гладко выбритого подбородка, прежде чем подать знак племяннице. – Фрей!

– Что такое? – Фрей выключила музыку и выпрямилась в кресле.

– Твоё задание ведь связано со случаями полицейского насилия в Бергене в семидесятые?

– Разве?

– Наш друг из прокуратуры наверняка кое-что об этом знает.

– Кхм, – откашлялся я и закрыл крышку ноутбука. – Не знаю, насколько смогу быть полезен. Бергенское дело и вправду было одной из причин изменений в процедурах расследования злоупотреблений в полиции и суде в конце восьмидесятых, а также устранения бывшего «Особого отдела». Но я знаю не больше, чем можно прочесть в книгах и монографиях по теме, увы.

Арне отсутствующе кивал, а Фрей пристально глядела на меня своими узкими глазами.

– Знаешь что? – сказала она, бойко скручивая и снова накручивая акустический кабель на свои пальцы.

– Да? – я снова к ней повернулся.

– Я бы, наверное, взяла у тебя интервью.

– На тему?

– Точно не знаю. Но может быть, ты гораздо более интересный человек, чем кажешься сначала. Может быть, мне удастся взглянуть на свое задание под другим углом, а может… – Она слегка смутилась, а потом широко улыбнулась: – А может, мы как раз те ребята, которые в итоге друга в друга влюбляются?

– Боже, Фрей! – Арне смущенно развёл руками. Он начал было говорить, но Фрей рассмеялась и отвернулась, включив музыку и открыв книгу.

– Я извиняюсь.

Арне сделал глоток кофе и причмокнул губами.

– Так вот. Давай посмотрим, нам вроде немного осталось. Уверен, у тебя сегодня полно других дел.

Мы прошлись по свидетельским показаниям и разобрали жалобу, которую представляемая Арне Вильмюром нефтяная компания подала на судью, разбиравшего их дело в районном суде. Уже тогда я понимал, что жалоба будет отклонена. На улице становилось пас-

мурно. По озеру пробежала легкая рябь. Я как раз сложил ноутбук, поблагодарил за кофе и встал из-за стола, когда Фрей, вытащив один наушник, на меня посмотрела:

– Ну? Что скажешь?

– Насчёт чего?

– Ты и я, кафе «Стинг», завтра в 6?

– Я… я… – я пытался что-то сказать, но Фрей уже вставила наушник обратно в ухо и вернулась к чтению. Арне был на кухне. Уже тогда я мог рассказать, что знал. Но я не сказал ничего, просто развернулся и ушёл.

Пятница

Глава 10

За окном номера я слышу, как просыпается город Трумсё. Горло болит, язык шероховатый и сухой. Её запах выветрился, во рту остался только обжигающий вкус эфирных масел и растворителей.

Я отключаю будильник и встаю с кровати; подхожу к кофеварке и наливаю в чашку кофе, который я приготовил прошлым вечером. Я получил сообщение от Анникен Моритцен: она просит перезвонить ей, когда доберусь до маяка.

Через час я уже переезжаю мост Трумсё в арендованном автомобиле и направляюсь на север. По склонам самых высоких гор сползает только что выпавший снег, небо серое, а земля одета в сухие листья и пожелтевшую траву.

Через несколько часов и одну переправу на пароме я стою напротив центра коммуны Блекёйвер. Здесь несколько административных зданий, два продуктовых магазина, ремонтная мастерская, магазин пряжи с солярием в подвале и круговой перекрёсток.

Офис местного шерифа располагается в двухэтажном четырёхугольном здании. Влияние русской послевоенной архитектуры ошеломляет. Здание зеленого цвета с белыми оконными рамами. Женщина на стойке администрации сообщает мне, что они делят здание со службой охраны здоровья населения и соцслужбой, которые занимают второй этаж. Офис шерифа находится на первом.

– Бендикс Юханн Бьёрканг, – представляется шериф. Ему за шестьдесят, он говорит на диалекте, носит короткие каштановые волосы и густые усы. Своей сильной рукой он крепко пожимает мою. – А вы Торкильд Аске?

– Говорят, что да.

– Кто говорит?

– Те, кто так говорят.

Вместе нам не очень удаётся острить, так что, почесав подбородок, шериф приглашает меня зайти в офис.

– Вы кто-то вроде… частного детектива? – спрашивает он, усевшись на стул за письменным столом, и складывает руки на животе.

– Нет, – отвечаю я и сажусь на неудобный деревянный стул с противоположной стороны стола из светлого дерева, под ножку которого подложена свернутая газета.

– И что вы в таком случае здесь делаете? – он барабанит пальцами по жировым складкам на животе.

– Давайте назовём это исключительным случаем, противоречащим моей системе ценностей. Я согласился приехать сюда из-за невозможности сопротивляться и острой необходимости в деньгах.

– Так, – шериф Бендикс Юханн Бьёрканг тяжело вздыхает.

– Ну, в общем, вы здесь, чтобы искать того молодого датчанина?

– Верно.

– По поручению родителей юноши?

Я киваю.

– Ну, мы здесь чтобы помочь, – он ведёт усами, – не думаю, что вы найдёте что-то конкретное.

– Да и я так не думаю.

– Датчанин – наше единственное дело сейчас. До этого мы занимались русским траулером, который немного севернее пошел ко дну в плохую погоду, в начале осени. Но все благополучно вернулись на землю. А в остальном – здесь тихо, как на кладбище, – он складывает руки на животе. – Как на кладбище.

Молодой усатый сержант лет двадцати заходит в комнату и попеременно таращится то на меня, то на шерифа; на лице его идиотское выражение, будто он только что застал шефа за каким-то очень личным делом и не может понять, уйти ему или спросить разрешения остаться.

– Кхэм, – прокашливается шериф и рисует в воздухе полукруг между мной и вытаращившим глаза пареньком. – Арнт Эриксен, это Торкильд Аске. Он здесь по поводу того датчанина. Арнт бросил работу в Трумсё и переехал сюда уже почти год назад со своей девушкой. Вскоре после Нового года он примет бразды правления участком, а я выйду на пенсию.

– Здравствуйте, – сержант вытирает руки о штаны, прежде чем протянуть мне свою влажную ладонь. Он косо ухмыляется в попытке продемонстрировать, что осознает всю ответственность того трудного пути, который ему отвела жизнь, – с вами говорит Арнт.

– Ага, а с вами говорю я, – отвечаю и жму ему руку до тех пор, пока у него на лице не проступает напряжение, – так что, – продолжаю я, не выпуская его руки, – чем вы занимались в Трумсё?

Арнт смотрит на меня и на наши руки в ожидании, что я наконец доведу до конца ритуал этикета и отпущу его.

– Наш город страдает от тех же проблем, что и другие города, – начинает он рассказ и откашливается, – воровство и незаконный оборот наркотиков. Кроме того, в последние годы мы наблюдаем бум проституции, хотя…

– Говорят, вы раньше работали в спецотделе? – прерывает коллегу Бьёрканг, пытаясь обуздать мои любезные манеры. Он особенно отчётливо произносит последнее слово и кивает сержанту, который пытается сесть, в то время как мы все еще жмём друг другу руки.

– Говорят? – спрашиваю я и расслабляю ладонь.

– Ну, вы же знаете, хотя ваша история и не попала в газеты, она всё равно разлетелась по всем отделам, как огонь по сухой траве. Не каждый день следователя из прокуратуры берут с поличным. В определенных кругах это произвело фурор, в других – гул оваций, насколько я слышал.

– Не сомневаюсь, – ответил я.

– А там ведь, если не ошибаюсь, потом был случай, когда один из наших, которого вы засадили, пытался добиться повторного рассмотрения в суде в связи со всей этой историей?

– И как, получилось? – желчно спрашиваю я.

Бьёрканг качает головой, не отводя от меня взгляда.

– Ты это знал, Арнт? – шериф поворачивается к сержанту, а тот снова стоит разинув рот с отсутствующим выражением лица. Он крутит головой то туда, то сюда, в зависимости от того, кто говорит. – Знал, что эти ребята специально обучены ломать полицейских, которые лажают при выполнении служебных обязанностей? Так что будь осторожен.

Арнт смотрит на меня глупыми глазами, а Бьёрканг неприятно смеется, но вскоре прекращает.

– Мы обычно называли эти допросы «интервью», – говорю я.

– Вот-вот, – отвечает Бьёрканг. – Расскажи мне, а кто вёл твой допрос, когда тебя схватили?

– Они вызвали эксперта по допросам из полицейской академии, – рассказываю я, – он повышал квалификацию в Великобритании и был экспертом поэтапного полицейского допроса, тактики его ведения, этики, коммуникации, факторов психологического влияния и различных техник, стимулирующих память. Отличный парень.

– В смысле, схватили? – спрашивает сержант Арнт, который, кажется, наконец-то снова обрёл голос.

– А что, ты не знал? – Бьёрканг подмигивает мне. – Чему вас, собственно, учат теперь в полицейской академии? Торкильд Аске только что вышел из ставангерской тюрьмы после трёхлетней отсидки.

– Не забудь еще психбольницу, – говорю я, не отводя взгляда от сержанта.

– А что вы сделали? – спрашивает явно озадаченный Арнт.

– Он насмерть сбил маленькую девочку однажды вечером после работы, – помогает с ответом шериф Бьёрканг, – …в наркотическом угаре?

Сержант Арнт всё еще пялится на меня, но в его глазах читается уже что-то другое. Я узнаю этот взгляд. Отвращение от осознания, что кто-то из своих пересёк черту и оказался на другой стороне.

– Гамма-гидроксибутират, или ГГБ, – добавляю я и думаю о том, что сказал мне Ульф в автомобиле в тот день, когда я вышел из тюрьмы. Что теперь пришло моё время сидеть с другой стороны стола. Быть тем, кто подстраивается под условия других, а не диктует их сам. Моё паломничество – так он это назвал. Я просто не представлял, какую цену мне придется за него заплатить.

– Полагаю, ты там его заработал?

Шериф указывает на шрам на моём лице, который тянется, как паучья сеть с тонкими ниточками, от глаза до рта, уродуя скулу.

– Мне повезло. Голова ударилась об руль.

– Ну ладно, – теперь тон Бьёрканга сделался мягче. – Что было – то было. А остальное останется между тобой и тем парнем.

– Шефом по социальной работе?

Он вытирает губы, расплывшиеся в улыбке. – Мы здесь не для того, чтобы признаваться в грехах, но я человек, который любит знать, с кем имеет дело. – Он кивает сержанту Арнту, словно бы намекая, что то, чему тот сейчас стал свидетелем, называется управлением персоналом высокого уровня. – Кроме того, я из тех, кто считает, что если человек отсидел свой срок, то его совесть чиста. Если бы я в это не верил, то делать мне здесь было бы нечего.

Бьёрканг поднимается со стула и начальственным кивком указывает Арнту удалиться.

– Ну что, думаю, обмен любезностями окончен, – он знаком показывает, что пора идти, – давай тогда доедем до Шельвика и посмотрим на яхту датчанина, прежде чем закончится день.

Мы покидаем отделение и садимся в полицейскую машину. Арендованный автомобиль я оставляю. Идёт дождь, и промёрзшая земля блестит там, где падают капли; ветер шумит листьями, которые еще не опали с ветвей в этот холодный октябрьский день. Сине-чёрные облака выплывают из-за океанического горизонта.

– Полярная ночь, – отмечает сержант Арнт и смотрит на меня в зеркало заднего вида. – Не все хорошо её переносят.

Глава 11

Маршрут к острову проходит через долину, с обеих сторон виднеются отвесные склоны скал, а потом дорога в кочках снова выводит нас к морю. По пути то тут, то там встречаются послевоенные дома, крытые зелёным, белым или жёлтым шифером и профилированными листами на крышах. В каких-то домах горит свет и сено сложено белыми стогами на краю участков, но большинство из них покинуты и давным-давно оставлены на произвол непогоды и ветров.

В конце концов, асфальтовое покрытие уступает место гравию, и мы оказываемся на вершине холма с видом на залив с парой домов на берегу.

– Ныряете? – лицо сержанта снова показывается в зеркале.

– Что?

– Я спросил, вы ныряете?

Бьёрканг фыркает и качает головой.

– А что такого? – спрашивает сержант с ноткой разочарования в голосе.

– Человек только что вышел из тюрьмы, господи. Как ты себе представляешь, чтобы он там нырял? – Бьёрканг снимает фуражку и проводит рукой по своим редким волосам.

– На самом деле, я когда-то нырял. На базе Хокунсверн, – отвечаю я после паузы, – и пару-тройку раз после того.

Сержант снова смотрит на меня в зеркало.

– Ага! – восклицает он, – ну и как вам?

– Ужасно, – отвечаю я и вижу, как уже второй раз за минуту гаснет блеск в глазах молодого сержанта.

На самой вершине холма стоит тёмно-коричневое здание с асфальтированной парковкой и пандусом у входа, а рядом еще одно, поменьше, – продолговатый корпус, разделенный на три квартиры.

– Жилищно-коммунальный комплекс Шельвика, – рассказывает шериф Бьёрканг, когда мы проезжаем мимо, – ещё с войны здесь стоит. Был местной казармой фрицев.

– Фрицев?

– Немцев, – встревает сержант Арнт и снова пялится на меня в зеркало, – а ваши родственники воевали?

– Уверен, что нет, – отвечаю я, вглядываясь в очерченные океаном неровности пейзажа. На отдалённом острове виднеется белое здание, а около него на пригорке стоит восьмиконечная вышка маяка.

– Маяк Расмуса Моритцена.

Шериф пальцем показывает на нагромождение лодочных домиков внизу бухты:

– Его лодка стоит в одном из сараев.

Ветер пронизывает насквозь, а волны лениво врезаются друг в друга, превращаясь в белую пену. Огромные кусты водорослей колыхают своими болотными щупальцами над галькой. Мы на цыпочках спускаемся к сараю, обхватив воротники и склонив головы, чтобы спрятаться от дождя. Трудно перебираться через скользкие камни, и я замечаю, как сильно напрягаются мышцы в ногах и пояснице.

– Его резиновую лодку принесло к берегу во вторник утром. По всей видимости, он погружался у острова на выходных. Когда к нам приезжала его мать, она рассказала, что говорила с ним в пятницу, но когда она звонила ему днём в воскресенье, он не ответил. Шериф качает головой, когда мы подходим к сараю, в дверном проеме которого нас ждёт мужчина чуть моложе меня.

– Смотрю, вы не особенно спешили, – произносит человек с сильным американским акцентом и струёй воздуха согревает свои кулаки. Он одет в коричневую кожаную куртку с воротником, как у британских пилотов во время Второй мировой войны. На его голове шапка с надписью «(мы) Против травли» и кожаные перчатки под мышкой.

– Вёл Арнт, я так понимаю?

– Харви, это Торкильд Аске. Он здесь по поручению родителей того датчанина, – Бьёрканг поворачивается ко мне: – А это Харви Нильсен. Нам пришлось припарковать лодку датчанина в его сарае.

Харви Нильсен протягивает свою руку. Он высокого роста, темноволосый и с ямочками на щеках, кожа на них стягивается в снежинки, когда он улыбается.

– Вы ему уже сказали про маяк?

– Нет, – Арнт кротко смотрит на Харви, тот выше его на целую голову. – Мы ему ничего не говорили.

Харви Нильсен обеими руками берет меня за плечи и разворачивает вправо, указывая пальцем на скалы у маяка.

– Супер! Теперь я сам тебе расскажу, как всё было, раз уж ты так просишь. – Он скалит зубы. – Не благодари. В общем, было всё так. Богатые ребята с юга приезжали сюда в восьмидесятые и хотели весь остров перестроить в конференц-центр для городских яппи. Они перестроили сторожку на маяке в ресторан с баром, а еще оборудовали компьютерный класс и фитнес-зал. Иногда и крупные вечеринки в подвале проводили.

– А потом у них кончились деньги, всего через год после открытия, – вмешивается в разговор шериф Бьёрканг. Сержант Арнт возится со своими усами, будто проверяя, не сдул ли их ветер. – Вот владельцы и сожгли главный корпус, когда поняли, что не смогут его продать. Надеялись, что пожар спасёт их от финансового краха.

– С тех пор он стоял пустой, – продолжает Харви, – пока летом не приехал датчанин, решив его отреставрировать.

– «Отель впечатлений», – фыркает шериф, – что бы это ни значило.

– Он был толковый парень. Я туда ездил, смотрел. Он достал старую лодку и сделал из нее стол, а бар… – Харви широко ухмыляется, – бар просто сказочный.

– Я бы никогда не поехал туда один, – бормочет сержант Арнт своим тонким картавым голоском, уставившись на маяк вдалеке.

– Ну ладно, давайте взглянем на лодку, пока не стемнело.

Бьёрканг хлопает сержанта Арнта по спине, и тот заходит в сарай. Мы с Харви заходим следом.

Ветер с дождём шатают гофролисты на крыше сарая. Бьёрканг и Харви стягивают брезентовую накидку и кладут ее у широкой стены.

– Ну, вот и лодка, – говорит шериф и хлопает по ней.

Я поднимаюсь на борт жестко надутой лодки; она окрашена в белый и голубой, корпус отделан стекловолокном, модель – «Зодиак Про». Лодка шесть метров в длину, на ней установлен мотор Эвинруд в сто пятьдесят лошадиных сил. В лодке лежит веревка и баллон с воздухом, а рядом деревянная коробка со всяким хламом, поднятым с морского дна.

– Ничего себе судёнышко, а? – Харви поднимает прямоугольную коробку, покрытую нитями водорослей и мелкими белыми ракушками, и протягивает её мне.

– Датчанин явно любил собирать всякое старьё, – бормочет шериф и кивает в сторону старого транзисторного приёмника, который я держу в руке. Когда-то он был белым, с синей окантовкой; я даже могу разглядеть тройку, а рядом с ней – буквы «P b K A», в левом верхнем углу заросшего ракушками и водорослями аппарата.

– А GPS на лодке не установлен?

– Наверное, вывалился в какой-то из заплывов, – безразличным тоном отвечает Бьёрканг.

– А почему тогда это не вывалилось? – спрашиваю я и поднимаю транзисторный приёмник, – видимо, он просто валялся где-то, а GPS был прикреплён к центральной консоли.

– Кто знает, – Бьёрканг пожимает плечами и вздыхает.

– Ладно.

Кладу приёмник обратно в лодку.

– Вы говорили, что он, скорее всего, погружался около «глаза». Это где?

– Глазом мы зовём подводный риф между маяком и островами на другой стороне фьорда, – отвечает Бьёрканг и, взглянув на свои наручные часы, подходит к двери сарая и пальцем указывает на чёрный шест с мигающим сигналом, вмонтированный в скалу посредине моря.

– Воткнули в своё время, чтобы помочь проходящим судам, идущим вдоль рифов, через пролив Грётсун.

– Он зовётся глазом, потому что когда на море спокойно, то кажется, что из глубин кто-то выглядывает и смотрит на небо. За все эти годы было много кораблей и экипажей, которые шли ко дну, потому что слишком близко подбирались к рифу, – рассказывает Харви.

Бьёрканг с Арнтом оба кивают и безучастно пытаются что-то разглядеть за дождевой завесой.

– Я так понимаю, за этим он и погружался? Ради всех этих обломков?

Все трое кивают в унисон.

– Мы посылали туда ныряльщиков, но они ничего не нашли, – рассказывает шериф Бьёрканг после короткой паузы. – Нужно просто подождать, – заключает он, – природа возьмёт своё, и он всплывет, вот увидишь.

– Когда крабы с ним покончат, – вмешивается Харви.

Начинает темнеть, небо скоро скроется за чёрными тучами.

– Мне нужно туда съездить, – говорю я, – к маяку.

Бьёрканг снова смотрит на часы.

– А я думаю, что мы должны покончить с этой ерундой прямо сейчас, – говорит он и сплёвывает. – Передавали, что в выходные погода будет еще хуже. Езжай к себе домой в Ставангер, Аске. То же самое я сказал и матери датчанина, когда она к нам приехала и кричала в истерике, что мы (а ведь был сильный шторм!) должны её туда отвести, поставив на кон жизни всего экипажа. Мы позвоним, как только он появится на поверхности. Они всегда всплывают, эти утопленники. Но не сразу.

– Его родители хотят, чтобы я туда съездил. И я это сделаю, если только у тебя не найдется каких-то предписаний, которые запрещают мне это осуществить.

– Ладно, ладно, – Бьёрканг удручённо разводит руками, – если ты хочешь остаться здесь и ждать – мне всё равно. Мы не можем тебе в этом отказать. Но будь аккуратнее, это всё, о чём я прошу. Ты больше не полицейский.

– Я здесь чтобы помочь, – отвечаю я, – так же, как и вы.

– Хорошо, – хмыкает Бьёрканг, – но учти: если у тебя есть другие идеи для бесцельной траты нашего времени, то тебе придётся отложить их до понедельника, договорились?

Я киваю, а Бьёрканг в последний раз сверяется с часами, после этого машет Арнту и делает знак, что им пора ехать.

– Коньяк и аккордеон, – усмехается Харви, когда двое полицейских снова садятся в машину. Они смотрят на нас через лобовое стекло, перебрасываясь друг с другом короткими фразами и односложными словами.

– В смысле?

– Бьёрканг вдовец, – объясняет Харви, – по выходным он пьёт коньяк и играет на аккордеоне с другими стариками у нас на островах. Ох уж эти чиновники.

Харви смеётся:

– Преступления здесь совершаются только на рабочей неделе в промежутке от восьми до четырёх. Ты разве не знал?

– Ясно, – говорю я и вздыхаю, как только вспоминаю, что мой автомобиль припаркован у полицейского участка.

– А зачем тебе все-таки ехать на этот остров? – спрашивает Харви, закрыв дверь сарая и повесив замок. – Мы сплавлялись туда вместе с Бьёркангом, когда обнаружили лодку. Там ничего нет.

– Так хочет его мать. А я просто хочу поскорее с этим управиться.

– Ладно.

Харви постукивает пальцем по двери сарая.

– Ну, если хочешь, можешь поехать со мной завтра утром. Я проезжаю мимо на пути к ферме.

– К ферме?

– Мидии, – он снова улыбается, – вот где деньги лежат.

Глава 12

Я сажусь в пикап Харви. Он разрешил мне остаться у него до нашей отправки к острову, чтобы мне не пришлось ехать обратно за сто километров и две переправы в свой гостиничный номер в Трумсё. Его дом находится в недавно отстроенном районе с видом на фьорд и маяк.

Мы заходим и садимся за кухонный стол. Харви приносит нам по полчашки кофе. Вокруг нас его жена ловит шустрого мальчика лет шести, пытаясь одеть его на ходу.

– Мы уходим, – говорит она и уносит мальчишку с собой в прихожую, где пытается надеть курку с помощью свободной руки.

– Подойди сюда, – Харви усаживает её на колени и целует её волосы, когда она к нам подходит.

– Это Торкильд Аске, бывший полицейский, который приехал сюда, чтобы найти датчанина, – он снова её целует, – а это моя любимая жена – Мерете.

Мерете встаёт с колен Харви и протягивает мне руку.

– Привет, – говорю я и пытаюсь выдавить из себя улыбку, приподнимая оба уголка рта.

– Привет, Торкильд, – отвечает она, а потом резко отпускает мою руку и направляется в прихожую, где ее сын швыряется ботинками и имитирует звуки стрельбы.

– Мерете работает трудотерапевтом в социальном центре. Йога для пенсионеров, целительные практики, кристаллотерапия, ну и всё такое. Она у нас чуть ли не настоящая знаменитость. Не так ли, дорогая?

– Что? – кричит Мерете из прихожей.

– Ты чуть ли не знаменитость! – кричит Харви в ответ, – подойди сюда и займись Торкильдом. Уверен, ты обнаружишь, что и над ним витают какие-нибудь духи.

Мерете поднимается, держа в руках ботинки, и бросает один из них в сторону кухни, метясь в Харви. – Не сейчас, Харви. Ты разве не видишь, что я выхожу?

Когда жена Харви, прихватив сына, вылетает за дверь, он снова поворачивается ко мне.

– У неё вечно душевный дисбаланс на этой стадии женского цикла, – он громко смеётся и хлопает себя по коленям.

– А чем она так знаменита?

– Она экстрасенс, – отвечает Харви, – её позвали в следующий сезон «Силы духов», может быть, ты слышал об этой программе. Они начнут снимать сразу после Нового года. Её самой первой наняли на четыре следующих серии. Здорово, нет?

– Я смотрю телевизор меньше, чем стоило было. – Я начинаю говорить, но Харви внезапно встаёт и несется в подвал. Он возвращается оттуда с канистрой в руках и ставит её на стол между нами.

– Ты похож на парня, который не упустит ни грамма, – он откручивает крышку и разбавляет кофе кристально чистым спиртом. – А у вас, кстати, готовят кофе по-русски?

– Да его и в Исландии готовят, разве что они не так щедры на сам кофе.

Харви смеётся, и мы сидим и пьём в тишине, глядя в окно на океан и на полярную ночь, которая скоро накроет собой этот пейзаж.

– Чем была бы жизнь без детей, – наконец говорит Харви. – У тебя есть дети?

– Нет.

– А жена?

– Была когда-то.

– Что случилось?

– Я переехал в Америку, а она переехала к Гюннару.

– К Гюннару?

– Гюннар Уре. Мой бывший начальник в прокуратуре.

– Ох, мужик, это жёстко.

Я пожимаю плечами

– Мы не были счастливы вместе.

– Поэтому ты и стал частным детективом?

– Что-то вроде того, – устало отвечаю я.

В полутьме виднеется огромный силуэт маяка на вершине острова. Всё вокруг посерело. Кажется, что скоро и маяк накроет сине-серой завесой.

– Харви Нильсен, – я снова заговариваю после еще одной паузы, – это северо-норвежское имя?

– Эбсолютли, – снова смеется Харви, – мои предки иммигрировали в Миннесоту в тринадцатом году, а потом, в Первую мировую, мой прадед вернулся и через несколько лет погиб во время газовой атаки в одном местечке на севере Франции.

– А ты сам? Как ты нашел свой путь обратно к земле обетованной?

– После выпуска из университета отплыл в море на рыболовном судне и по воле случая оказался в Трумсё, где и встретил Мерету, а та работала в одном из городских пабов.

– И начал выращивать мидии?

– В том числе. У семьи Мерете есть небольшая ферма, где мы выращивали овец до тех пор, пока я почти случайно не наткнулся на курсы по культивированию моллюсков в начале двухтысячных. Я запросил стипендию в государственном фонде поддержки предпринимательства и взялся за дело. Начинал с простой верёвки, пары баков, старых сетей, тракторных деталей, проводов, сам отливал бетонные ботинки. И плавучую платформу сам строил. Большинство ферм с мидиями закрывалось в первые годы, но мы держались, стиснув зубы, пока не оказались на другой стороне. И всё изменилось, – Харви улыбается, – в прошлом мае мы поставили на рынок семь тонн моллюсков. В следующем году надеемся поставить больше десяти.

– Где находится ферма?

– В одном заливе немного севернее, на острове, где раньше стоял двор семьи Мерете, пока не закрылся. Какое-то время мы продолжали вести там дела, когда родители переехали в жилищно-социальный комплекс, несколько лет не оставляли работу, но от малых хозяйств дохода сейчас никакого, только изнурительный труд.

– Скучаешь по Штатам?

– Нет, – отвечает Харви, – Not at all[3]. Там я не чувствовал себя дома, я понял это еще в детстве. Океан, знаешь ли. Он в крови, пульсирует в венах и манит к себе.

Прежде чем отвести взгляд от окна, за которым в ледяной осенней темноте мерцают фонари, Харви стучит краем чашки по столу.

– Я никогда не смог бы покинуть эти места. Никогда.

Я начинаю ощущать воздействие алкоголя на мой вестибулярный аппарат. По телу прокатывается волна тепла. Давно я такого не испытывал.

– Ты говорил, что уехал в Америку, – Харви смотрит на меня своими кристально чистыми серыми глазами, – чем ты там занимался?

– Делал карьеру, – отвечаю я. – А может быть, пытался выбраться из разрушенного брака. Трудно вспомнить, когда столько времени прошло.

Харви поднимает кружку в молчаливом «за здоровье».

– Hear, hear![4]

---

[3] Ни капли *(англ.)*.

[4] Согласен с предыдущим оратором *(англ.)*.

После этого он выпивает и ставит кружку на стол, смотря на меня пытливым взглядом с лёгкой улыбкой на губах.

– Так зачем ты всё-таки туда уехал? – наконец спрашивает он.

– Здесь у нас правоохранительные органы пользуются стандартизированной техникой допроса, она называется «креатив», – начинаю я.

– И в чём ее суть?

– Суть «креатива» в том, чтобы обвиняемый свободно давал показания. Цель допроса не обязательно в том, чтобы обвиняемый сделал признание, а скорее в том, чтобы снизить вероятность подачи убедительных алиби и его сопротивляемость. В Майами была уникальная возможность изучить более передовые техники ведения допроса и углубиться в криминальную психологию у самого доктора Титуса Оленборга.

– А он является..?

– Слышал о КУБАРКе?

– Nope[5].

– КУБАРК – это в общей сложности семь пособий по ведению допросов, предназначенных для обучения агентов ЦРУ, армии и других спецслужб. Первое вышло в шестьдесят третьем году во времена холодной войны. Одно из них было предназначено специально для агентов, работавших в контрразведке, и представляло собой серию техник, позволявших расколоть перебежчиков, мигрантов, провокаторов, агентов и двойных агентов, чтобы понять, хранят они верность стране или нет. Это руководство было написано как раз тем замечательным доктором.

– Spyshit? Really?[6] – Харви поднимает глаза к потолку и криво ухмыляется. – А мне показалось, что ты не такой человек.

Я пожимаю плечами.

– Оленборг – психолог по образованию и начинал свою карьеру, изучая взаимодействие между людьми и зданиями, прежде чем попал в ЦРУ. Теперь он преподаёт везде, начиная от официальных следственных органов и заканчивая частными охранными компаниями типа «Блэкуотер», «ДинКорп» и «Трипл Кэнопи».

– И норвежских полицейских?

Я киваю и знаком даю понять, что мне нужна ещё выпивка.

– Проблемы с руководствами типа КУБАРКа и более новыми европейскими методиками типа «креатива» всегда одни и те же.

– И какие они? – Харви берёт канистру, привстаёт над столом и доливает мне спирта в кружку.

– Как допрашивать того, кто знает и умеет ровно то же самое, что и ты? Тот, кто, скорее всего, получил ровно такое же образование, как и ты?

Он ставит канистру на пол и снова откидывается на спинку кресла.

– Понял, – говорит он и сурово кивает. – Как расколоть одного из своих.

– Именно. Особенность Оленборга в том, что он годами ездил по американским тюрьмам и опрашивал полицейских, как местных, так и федералов, сидящих по самым разным статьям – от грабежа и контрабанды наркотиков до убийства по найму, изнасилования и серийных убийств.

– Cops gone bad[7], – Харви смеется в кружку, – куда катится мир.

– Разведслужбы, армия и полиция – перед ними стоят одни и те же проблемы, когда приходится допрашивать одного из своих. Ведь это люди, которые сами провели сотни, а то

---

[5] Не-а *(англ.)*.

[6] Шпионские штучки? Что, правда? *(англ.)*

[7] Копы стали плохими парнями *(англ.)*.

и тысячи допросов за свою карьеру, которые знают методы, которые оттачивали это мастерство годами с мыслью о том, что, возможно, и их когда-то схватят, и на кону будет всё.

– И как тогда их расколоть?

– Личный опыт, тренировка и уверенность в себе – основа любого допроса. Но всё-таки со временем понимаешь, что эти ребята, как бы сильны они ни были, насколько привычной ни была бы для них эта игра и каким серьезным ни был бы их жизненный багаж, они всё равно остаются людьми, и этого не скрыть; именно их человечность – ниточка, за которую мы хватаемся. В этом вся суть.

– You lost me, mate[8], – Харви качает головой и щурит полузакрытые глаза.

– Всех нас контролируют первичные эмоциональные импульсы. Разница в том, что происходит с каждым отдельным человеком, когда кто-то играет с этими импульсами. Впрочем, – продолжаю я, вращая чашку в руках и глядя на мутноватую жидкость, – спустя девять месяцев разъездов доктор Оленборг заболел и должен был пройти курс обширной радиотерапии от опухоли в мозгу, а я вернулся в Берген, в прокуратуру.

– Так почему ты ушёл из полиции?

– Это другая история, – шёпотом отвечаю я, – совсем другая история.

Дождь за окном сменился градом, замёрзшие капли постукивают о кухонное окно, прежде чем снова исчезнуть в темноте.

– Ты говорил, что тебя наняли родители датчанина, – прерывает тишину Харви.

Я киваю.

– Для чего?

– Точно не знаю, – отвечаю я, – Чтобы я ждал. Надежду на самом деле можно купить.

– Надежду?

– Пока они платят, я буду ждать. А пока я жду… есть надежда, что я что-нибудь отыщу.

– Например?

– Волшебный ключ, способный повернуть время вспять.

Я бросаю ищущий взгляд на дно кружки, и Харви наполняет её доверху. Запах спирта щекочет ноздри и согревает, вскрывает и прочищает мои воспалённые слезные каналы, разгоняет облака, которые плывут и бьются друг о друга где-то глубоко в моей голове.

– Ты когда-нибудь найдёшь его? – спрашивает Харви, слегка улыбаясь, и смотрит на меня. – Этот ключик?

– Никогда, – отвечаю я и смеюсь в ответ.

[8] Ты меня теряешь, дружище *(англ.)*.

Глава 13

Второй день с Фрей, Ставангер, 23 октября 2011 г.

Кафе «Стинг» находилось у Вальбергской башни. Оно располагалось в старом деревянном доме, наполненном той самой модной деревенской аурой, которую так любят жители Ставангера. Женщина за барной стойкой подала мне чашку кофе и стакан воды со льдом, и я отнёс их к столику в глубине зала, где сел в ожидании Фрей.

Фрей пришла без пятнадцати семь. Я сидел за столиком у окна и с прищуром смотрел на каменную башню, которую заливало дождём. Он стекал по окнам кафе, словно путаные нити свивались в серо-голубую паутину.

– Ну и погодка, – сказала она и сняла свою парку цвета хаки с капюшоном и карманами. Она повесила её на спинку стула и бросила взгляд в сторону бара, после чего женщина за стойкой поставила кипятиться воду и стала шуршать чайными пакетиками, лежащими в чаше, – долго ждал?

– Дольше, чем тебе хотелось бы.

Фрей склонила голову набок и бросила на меня безмолвный взгляд, а потом развернулась и ушла к стойке.

– Почему ты пришёл? – спросила она, когда наконец присела на стул из кованого железа прямо напротив меня. Она взяла три больших куска тростникового сахара и бросила в ярко-зелёную жидкость в чайной чашке. Потом она взяла ложку и лениво размешала чай, чтобы сахар растворился и окрасил содержимое в тёмный цвет, придав ему более землистый и нерафинированный вкус.

– Одиночество, – ответил я, – без сомнений.

– Думаешь, я могу тебе с этим помочь?

– Уверен, что нет.

– Тогда почему?

Я пожал плечами:

– Потому что ты предложила.

– Дядя этого хотел, – она приложила горячую ложку к нижней губе и закрыла рот, – он ждёт гостя, – сказала она и положила ложку на блюдце к ломтикам лимона.

– Гостя?

– Мужчину.

– Вот как?

– Роберт старше меня всего на пару лет. Он мне в братья годится. Чертовски красив, – она негромко рассмеялась и взяла чайную чашку обеими руками. – Дядя Арне – гей. Ты что, не заметил?

– А должен был?

Пришёл её черёд пожимать плечами:

– Дядя Арне сказал, что ты из тех людей, которые читают язык тела и раскрывают то, что мы держим в секрете. Это неправда?

– Нет, – рассмеялся я, – ни в коей мере.

– А что ты тогда умеешь?

– Проводить допросы и писать рапорты, – ответил я и наклонил пустую чашку набок большим и указательным пальцами. Я взглянул на заварку на донышке, а потом снова перевёл взгляд на её лицо.

– Но ведь ты эксперт по тактике ведения опроса, разве нет? Арне сказал, что ты только вернулся из Штатов.

Я придвинулся к ней и спросил:

– Откуда он, чёрт возьми, это знает?

– Арне – бизнес-адвокат одной из крупнейших нефтедобывающих компаний Северной Америки, – Фрей провела двумя пальцами по своей пышной шевелюре, – он любит знать, с кем имеет дело, как в личной жизни, так и в профессиональной.

– Что еще он нарыл?

– Ты наполовину норвежец, наполовину исландец, твой отец – океанолог по образованию, но занимается радикальным эко-активизмом у себя в Исландии. Твои родители развелись еще в твоём детстве, и твоя мать уехала обратно в Норвегию с тобой и твоей сестрой. И, да, недавно ты и сам развёлся.

– Похоже, ты знаешь всё, – ответил я и наклонился за пакетом, который лежал у меня между ног. Я полночи провёл, собирая все возможные документы по бергенскому делу и основанию органов особого назначения, – а вот, кстати, то, что я нашёл по твоему заданию. Комитет по предотвращению пыток совета Европы тоже издал рапорт, в котором были раскритикованы…

– Мне это не нужно, – Фрей сидела и смотрела на меня, держа свою кружку на середине ладони, – я уже доделала задание.

Я перевернул свою чашку верх дном и поставил её на блюдце.

– И что мы тогда здесь делаем?

– Знакомимся, – ответила Фрей, – по-твоему.

– По-моему?

– Разве не в этом заключается твоя работа, твои экспертизы? Собрать о человеке информацию, а потом в контролируемых условиях выложить всё, где ты и твои ребята могут раскопать наши тайны, узнать слабости и болевые точки? Я просто хотела начать с тебя.

– Господи, – простонал я и стукнул костяшками пальцев о дно своей кружки, рассмеявшись про себя, – может ты и права, – помедлив, сказал я и поднялся из-за стола, чтобы уйти. – Впрочем, знаешь что? Ты, конечно, просто в горло мне впилась. – Я поднял пакет с документами и откланялся. – Обвела меня в моей же игре. Адьё.

Я быстро зашагал по шахматной плитке, а потом резко развернулся, пошёл обратно и снова сел.

– Хотя, что уж там, давай доведём игру до конца, – я откинулся на спинку стула. – Так что ты хочешь знать, Фрей? Говори прямо.

– Я хочу знать, что ты скрываешь и о чём лжёшь, – спокойно ответила она, всё ещё держа кружку на середине ладони. Затем резким жестом поставила ее обратно на стол, – прежде чем сама расскажу тебе о своих тайнах.

– Хорошо. С чего мне начать?

– С чего сам хочешь.

– Моя мама была детским психологом, пока не заболела. Сейчас она живёт в доме престарелых в Аскере. У неё Альцгеймер, уже почти как десять лет. Я давно с ней не виделся. Не знаю почему.

– Расскажи об Исландии.

– Когда я был маленьким, мы катались от одного алюминиевого завода к другому, ездили на электростанции и плавильные цеха. Я, мама и сестра Лиз. Мы приезжали туда, чтобы посмотреть, как отец и его команда защитников природы намертво привязывают себя к экскаваторам и трубным муфтам, к подъёмным кранам и самосвалам, восторженно крича и мочась в штаны, чтобы мир увидел, что человечество вышло из-под контроля.

– Идеалист.

Я кивнул.

– Почему ты уехал в Америку?

– После бракоразводного процесса мы с моей бывшей женой оказались в ситуации абсолютного противоречия друг с другом, в каждой детали, в каждом нюансе. Так что как только я увидел заметку о наборе на курс, я сразу же поехал.

– Чтобы допрашивать преступников-полицейских в чужой стране?

– Именно.

– Зачем?

– Чтобы лучше делать своё дело, чтобы…

– Их понять?

– Да.

Внезапно Фрей широко улыбнулась:

– Ты мстишь полицейским за своего отца?

– Может быть, – устало ответил я. Дождь отчаянно барабанил в окна. Падавшая с неба вода собиралась в ручейки, которые стекали к дороге по обе стороны кафе.

Фрей залилась смехом.

– Это самое настоящее клише, Торкильд Аске, – сказала она и схватилась за голову, – неужели ты не понимаешь?

– Понимаю. Если у меня когда-нибудь будет личный психолог, я обязательно передам ему, что ты первой это подметила.

Я уже принял решение продолжить игру, на какой бы вопрос мне ни пришлось отвечать и какими откровенностями ни пришлось бы пожертвовать. Развод с Анн-Мари и время, проведенное на американском юго-восточном побережье с мужчинами и женщинами, которых мы с доктором Оленборгом допрашивали за непробиваемым стеклом, обошлись мне дорого. Слишком дорого. Сидя с ней в этом кафе, я почувствовал, как моя грубая внешняя оболочка даёт трещину. Как где-то внутри начинает пульсировать что-то новое и живое. Что-то, чего я никогда раньше не испытывал.

Фрей выждала паузу, еле сдерживая улыбку, и сказала:

– Вы поэтому развелись? Ты узнал о ней всё и понял, что раскапывать там больше нечего? Исходил всеми дорогами – работа закончена и пора приниматься за что-нибудь другое? За новое дело?

– Дело? Что-то вроде… тебя?

– Нет, – ответила Фрей, – обо мне ты все еще не знаешь ничего. Мы друг для друга незнакомцы.

– Ты права. Ну что, моя очередь?

– Твоя очередь.

– Итак, – сказал я и наклонился над столом, – расскажи мне о себе.

Фрей сидела и молча смотрела на меня, обводя меня глазами, слово парой сверкающих солнечных дисков, всматриваясь в каждую клеточку моего лица.

– Я танцую, – произнесла она и схватила с блюдца кусочек сахара.

Суббота

Глава 14

– Эй?! Эй, угадай, что это: красное и говорит буль-буль.

– Ч…что?

– Что это: красное и говорит буль-буль?

– Господи, понятия не имею, – завываю я в ответ и пытаюсь увернуться от маленького создания, задающего мне эти дурацкие вопросы.

– Ха-ха! Это красный буль-буль, разумеется!

Я открываю глаза и понимаю, что лежу посередине кухни, частично под столом, за которым мы с Харви сидели и распивали спиртное прошлым вечером. Маленький мальчик, которого я видел вчера, сидит рядом со мной и улыбается. Я вижу стоящие у плиты ноги Харви и чувствую запах свежезаваренного кофе.

Харви наклоняется и заглядывает под стол.

– М-м-м, – мычу я и делаю попытку встать.

– Почему ты спишь на полу? – спрашивает мальчик.

– Не знаю, – отвечаю я и утыкаюсь головой в пол, пытаясь подняться.

– Для частного сыщика ты плоховато переносишь газировку для взрослых, – Харви хихикает над чашкой горячего кофе и ставит её на стол над моей головой.

– Настанет день, – усмехаюсь я и хватаюсь за стул, чтобы наконец встать, – ты только дай мне время.

– Папа, он что, вчера напился? – мальчик смотрит на меня, а затем на отца.

Харви подходит ко мне и помогает подняться.

– Ну, что-то такое явно было, – с улыбкой произносит он.

– Который час? – спрашиваю я и обжигаю губы горячим кофе.

– Скоро полшестого, петух уже пропел, – отвечает Харви, – мы выходим через десять минут.

В голове стучит, носовые пазухи будто залило цементом, щека болит дьявольски.

– Сегодня на улице сыро, – говорит Харви, отхлебывая кофе. Он выглядит на удивление свежим и расторопным, несмотря на вчерашний вечер. – Я отложил для тебя комплект термобелья, можешь надеть его, а еще ботинки и шапку. – Он снова улыбается: – От холода.

– Спасибо.

Меня трясёт от вида из окна. На улице всё ещё темно, разве что тусклый утренний свет над вершинами самых высоких гор напоминает, что скоро наступит день.

– No problem, man[9].

Харви поднимает кружку с кофе за моё здоровье. Я выпиваю ещё пару глотков, но боль в диафрагме и всеобъемлющая тревога, которые появляются перед приёмом утренних таблеток, заставляют меня подняться и направиться в ванную.

Тот, кого я вижу в зеркале, с легкостью вынудил бы любое чудище из преисподней с криками вернуться обратно. Я достаю утреннюю дозу таблеток и запиваю её водой из-под крана. После этого я выдавливаю полоску детской зубной пасты на указательный палец и искренне пытаюсь почистить зубы. Остальное обойдётся. Какой смысл зацикливаться на недостижимом?

[9] Без проблем, мужик *(англ.)*.

На пути к прихожей я встречаю мальчишку снова.

– Эй, ты! – подражая отцу, он скрестил руки на груди, опираясь телом на своё бедро. – Что это: красное и говорит буль-буль?

Я в отчаянии гляжу на него, надеясь, что тот поймет, что душевно болен и должен немедленно исчезнуть с моего пути, но, кажется, никакого эффекта это не даёт. Так что я сдаюсь, улыбаюсь и отвечаю:

– Хм, есть, кажется, такой буль-буль, он ещё красного цвета?

– Дурак! Это брусника на лодке с подвесным мотором! Ха-ха-ха-ха-ха!

Всё вокруг посерело. Даже дома в жилом квартале как будто выцвели. В саду на крыше кормушки сидит сорока и смотрит на нас, наклонив головку. Она улетает прочь, как только Харви запирает автоматически замок своего пикапа. Он заводит машину, и мы выезжаем на извилистую дорогу, минуя центр и направляясь к лодочным сараям у залива.

Вчерашний ветер улёгся, но на улице стало холоднее. Воздух сырой, трудно дышать, не откашливаясь. Боль в щеке пульсирует и, разумеется, не проходит. Кроме того, пора признать, что моя пищеварительная система находится в состоянии коллапса, и боли в животе, которыми я страдал в последнее время, не пройдут сами по себе.

– Я тебя захвачу, как только закончу дела на ферме, – говорит Харви.

– Хорошо, – отвечаю я и одновременно с этим замечаю пожилого мужчину в лодке из стеклопластика, который движется к берегу. Как только лодка причаливает, старик выпрыгивает на сушу и принимается тащить лодку на берег.

– Тебе помочь, Юханнес? – Харви спускается к мужчине, тот качает головой и вытаскивает контейнер с рыбой, которую начинает потрошить прямо на гальке.

– У меня с собой настоящий частный детектив, – говорит Харви, опёршись о планширь, пока Юханнес вспарывает живот крупной треске и вытряхивает её внутренности.

На рыбную сушилку над сараями присела пара чаек.

– Он здесь, чтобы найти датчанина, который жил на маяке.

Юханнес снова бросает на меня взгляд, а затем качает головой и выбрасывает требуху в море, а одна из чаек взлетает с сушилки и пикирует в нашем направлении.

– Датчанин мёртв.

– Да, но… – начинает Харви, но Юханнес перебивает его, бросив выпотрошенную треску в контейнер и вытащив себе новую.

– Ты же знаешь… – Юханнес сжимает губы, как будто кусая внутреннюю поверхность щёк, – в это время года Драугр сплавляется на самых гребнях волн. Грядут шторма, – он ножом вспарывает рыбий живот, вытаскивает содержимое и бросает требуху в море. – Так что следи за своим южанином. Ты же помнишь, что случилось с русским траулером в прошлый раз, когда была непогода.

– Он не южанин, – слегка посмеиваясь, отвечает Харви, – он исландец.

– Вот как, – Юханнес достаёт из лодки новый контейнер с рыбой и ставит его на гальку между нами, – а что, есть разница?

Он садится на колени и продолжает потрошить улов, а мы возвращаемся к сараям.

– Кто такой Драугр? – спрашиваю я, пока мы с Харви на пути к маяку рассекаем волны на его лодке. В последние минуты снова поднялся ветер, и я хватаюсь за веревку, чтобы удержаться на месте.

– Ты разве не слышал о духе, который плавает на половине лодки в рыбацком кожаном костюме? Его появление предвещает смерть.

– Похоже, он отличный парень, – отвечаю я и натягиваю шапку на лоб, – легкомысленный старший брат Юханнеса, наверное?

– Океан даёт, океан и забирает. Здесь у нас старые поверья хранятся бережно, когда бушуют шторма. Наш мир полон тайн, Торкильд Аске. Особенно здесь, на севере. У вас в Исландии разве не ходят такие легенды?

– Ну конечно, ходят.

Он сбавляет ход и оборачивает ко мне:

– Ты веришь в духов, Торкильд?

– В духов?

– Призраки, души умерших, которые бродят по Земле, и все такое?

– Я… – начинаю я, но не договариваю. На мгновение я замираю, прислушиваясь к ощущению порывов холодного ветра на моём лице.

– Помню, когда я был маленьким, – Харви останавливает лодку, чтобы та качалась в такт неспокойному морю, – из леса вокруг нашего домика в Миннесоте доносился детский плач. Он приходил зимой, когда замерзали болота и озёра. Горькие всхлипы отдавались эхом между стволами деревьев, когда морозный туман опускался над лесом. Волосы дыбом вставали, скажу я тебе.

– Да уж, – бормочу я, судорожно обводя взглядом тёмную гладь воды.

– Потом несколько мелких озёр осушили, чтобы построить коттеджный посёлок. Копатели нашли скелет ребёнка в одном из водоёмов, который, по их мнению, пролежал там более ста лет. После этого в лесу стало тихо. Что ты об этом скажешь?

– Не знаю, – я поднимаю взгляд к небу, по которому из-за горизонта выплывают тёмные тучи. Перед нами стоит маяк и пара домов на острове. Я замечаю статую на возвышении: четырёхугольник с кругом на верхушке; её поставили на самое остриё одной из скал. На четырёхугольник кто-то повесил рыболовные сети, и они слегка колышатся на поднимающемся ветру.

– Вдова, – констатирует Харви и снова заводит лодку. Он берёт курс к причалу, наконец выплывшему из серого тумана, – произведение из серии работ современного искусства, которой местные власти наводнили город и нашу деревню пару лет назад. Одним летом сюда приехал француз и поставил туда фигуру, а потом уехал.

– Ты часто там бываешь?

– Нет, там ведь ещё с восьмидесятых пусто. Я пару раз заглядывал туда, когда там поселился датчанин, вот и всё.

– И как он тебе?

– Способный столяр, – отвечает Харви. – Когда мы встретились в первый раз, я возвращался домой с фермы. Я увидел, как он из последних сил перетаскивает на спине эти чёртовы окна, от волнореза к главному зданию, одно за другим. Тройная оправа, морозостойкая прокладка и бог знает что ещё. Чертовски тяжёлые. Стоили, наверное, целое состояние. Я помог ему поставить их в баре. Fantastic[10]. Нет, он был не из тех, кому не хватает амбиций.

– Когда ты видел его в последний раз?

– За пару дней до того, как он пропал, – Харви поглаживает свою щетину, – мы встретились в видеомагазине. Он хотел узнать, какой цемент я использовал для бетонированных ботинок на своей ферме. Думаю, он хотел укрепить причал.

Я вижу, как бьются волны о причал перед нами. Некоторые столбы, кажется, прогнили насквозь, и вся эта конструкция шатается в такт движению воды. Те, что подальше от берега, уже сломаны, они торчат, из беспокойного моря, как гнилые зубы.

Харви бросает взгляд на небо и качает головой.

– Плохи дела наши, – говорит он. – Очень плохи дела.

[10] Великолепно *(англ.)*.

Тучи собираются, как будто огромная крышка сейчас накроет котёл, и кажется, что снова темнеет, хотя день только начался. Лодка трещит по швам, встречаясь носом с резиновой прокладкой на длинной стороне причала. Выбравшись из лодки и встав на твёрдую землю, я ощущаю, как у меня сосёт под ложечкой. Голова начинает кружиться, и я вцепляюсь в свой рюкзак, пытаясь найти что-нибудь, за что можно ухватиться. Через мгновение начинает идти снег: большие плотные снежинки спускаются с пасмурного неба и, приземляясь, тают.

– Похоже, Юханнес был прав, – доносится голос Харви, который отплывает от причала и всё глубже погружается в снежную кашу.

– В чём же?

– В том, что дело идет к непогоде.

Харви говорит что-то еще, но гул мотора и ветер уносят его слова прочь. Лодка издаёт грозный рёв и скрывается вдали.

Я ещё сильнее вцепляюсь в рюкзак и направляюсь к главному зданию, склонив голову против ветра.

Глава 15

Весь серый остров скоро исчезнет в метели. Она становится всё гуще, раздуваемая ветром. Я добегаю до входа в дом, достаю из кармана штанов ключи с желтой ленточкой, на которой написано «Расмус Маяк + Главный Корпус», и вставляю один из них в замок.

Бывшая сторожка представляет собой большой деревянный дом начала двадцатого века с вертикальной обшивкой и окнами с белыми рамами. Кажется, Расмус неплохо продвинулся с ремонтом фасада. Единственные видимые следы пожара – обгоревшие обшивочные доски, окна и черепичная плитка, сложенная горкой между домом и лодочным навесом. Шиферную черепицу он заменил на медную и подобрал к ней похожий по цвету водосток. Даже сейчас, когда вокруг такая угнетающая снежная погода, дом совершенно по-особому отражает свет.

Я вожусь с замком, он, наконец, поддаётся и впускает меня внутрь. Здесь пахнет свежей древесиной и опилками, хотя слегка отдаёт ветхостью и еще чем-то неопределимым. Стены и пол отделаны прозрачным пластиком. Даже старинная лодка – Расмус перевернул её вверх дном, оторвал днище и переделал в стойку регистрации, – и та покрыта пластиком.

Я отодвигаю пластиковые панели в сторону и захожу в дверь с правой стороны фойе. Внутри большая комната в форме буквы Г, которая, видимо, служила одновременно и баром, и переговорной. В углу стоит изогнутый велюровый диван розового цвета, на нём – гора покрытых пылью гардин. Перед ним стоят нераспакованные коробки с лампами из тёмного муранского стекла с тонкой металлической проволокой, белыми мраморными плитками и люминесцентными розовыми светодиодами, а еще – дюжина барных стульев с серебристыми ножками на пластиковых подставках.

Я достаю мобильник и набираю номер Анникен Моритцен.

– Анникен слушает, – отчеканивает она, – кто звонит?

– Это я, Торкильд Аске.

Я слышу, как замедляется её дыхание.

– Где ты?

– Я на маяке. В баре Расмуса. Классное место, скажу я тебе, хоть ремонт здесь и не закончен. Комната отделана в стиле восьмидесятых: геометрические формы, красные ковры, барные стулья с подушками «под леопарда» и сине-сиреневые обои, которые слегка пузырятся по швам. Даже панорамные окна покрыты пластиком. Бар с отличным видом на воду.

Я возвращаюсь к барной стойке, у которой Расмус разложил раскладушку. На полу лежат журналы о яхтах, мешок с одеждой и кубик Рубика. Я бросаю взгляд на коробку с памфлетами и старыми меню из столовой. На одном из памфлетов изображено здание только после ремонта.

– «Образовательный и конференц-центр Блекхолма», – читаю я.

– Не поняла. Что ты сказал?

– Извини. Я просто нашёл пару старых брошюр со времён, когда здание еще было конференц-центром.

– Читай, – шепчет Анникен, – я хочу узнать, что там написано.

– Хорошо.

Я раскрываю брошюру и обнаруживаю, что некоторые из предложений Расмус обвёл в кружок, будто бы заранее планируя будущую рекламу для своего заведения.

– «Мы располагаем двумя залами и одной переговорной, вмещающей до тридцати человек. А также всем необходимым, чтобы набраться сил и вдохновения во время перерывов».

– Это всё? – спрашивает она, когда я останавливаюсь, задумавшись над фрагментом, который Расмус обвёл в кружок.

– Нет, – отвечаю я и зачитываю последнее предложение: «Конференцию вы забудете, но часы, проведенные на Блекхолме, надолго останутся у вас в памяти».

Из отделанных пластиком панорамных окон виден траулер в тусклом дневном свете. Он – как горизонтальная черта посреди этого тёмно-синего пейзажа. Вскоре пол начинает резонировать в такт вибрации двигателя.

– Рассказывай дальше. Я хочу знать, что ты видишь, Торкильд, – произносит Анникен и отрывает меня от зрелища за окном.

Её голос кажется более жёстким, как будто она вот-вот сорвётся. Мне хочется сказать ей, что знаю, как это бывает, когда ужас, страх и паника стучат сразу во все двери. Сказать, что подолгу всё это сдерживать в себе опасно, что однажды придётся выпустить свои чувства наружу. Но я не осмеливаюсь. Я не смогу находиться рядом, когда это произойдёт с кем-то другим. Я откладываю брошюру в сторону и сажусь на колени перед раскладушкой.

– Мешок с одеждой, книги, косметичка и пара бритв в белом пластиковом футляре. – Я приподнимаю спальный мешок и обнаруживаю портативный радиопередатчик «Моторола» и две упаковки батареек. – Что-то вроде морского радиоприёмника, точно не знаю.

– Что ещё? – торопит Анникен. Мы с ней продолжаем упражняться в словесной эквилибристике: каждое слово, каждый вдох и выдох отдаются вибрацией, которая удерживает её от падения в пропасть. – Что ты видишь?

– Больше ничего, – резюмирую я и облокачиваюсь на барную стойку. Я закрываю глаза и пытаюсь определить, откуда доносится рёв дизельных поршней траулера.

– Его здесь нет, Анникен, – шёпотом говорю я.

Внезапно я ощущаю головокружение и усталость и осознаю, что больше не выдержу этой мучительной работы.

– Расмуса здесь больше нет.

– Но он там был, – с тяжестью в голосе отвечает она. – Совсем недавно. Его запах все еще витает в воздухе. Ты этого не замечаешь только потому, что никогда не обнимал его так крепко, как его обнимала я. Я представляю его там, где сейчас стоишь ты, и в этом самая большая трудность. Я не справлюсь, я просто не вынесу…

– Я буду искать дальше, – шепчу я и поднимаюсь, собравшись с силами, – хорошо?

– Маяк, – восклицает она вновь обретшим силу голосом, – он обычно звонил мне с вершины маяка.

– Отлично. Тогда пойдём туда и посмотрим.

Пронизывающая потусторонняя темнота по пятам следует за мной, когда я, пробираясь сквозь метель, бегу через весь остров к лестнице маяка. Несмотря на то, что сейчас раннее утро, мне кажется, что я нахожусь в зале ожидания, где-то между ночью и днём.

Ступени сделаны из горной породы, к ним прикреплены ржавые железные перила. Маяк – это восьмиугольный чугунный купол с красной полоской под крышей. Красно-белая башня практически сливается с окружающей средой.

– Это будет номер люкс, – по памяти сообщает мне Анникен после того, как я закрываю за собой входную дверь и ступаю на винтовую лестницу, ведущую на самый верх маяка. Меня окружают крашеные бетонные стены с чёрно-белыми изображениями бушующего океана и серых туч. Отлично создают нужное настроение для туристов.

Всё техническое оборудование маяка вырвано с корнем, от линзы не осталось и следа. В центре комнаты стоит антикварная кровать с балдахином, с которой открывается обзор в 360 градусов. В потолок вмонтированы светодиодные полоски, и кажется, что он сколочен из палубных корабельных досок.

– Разве там не красиво? Расмус присылал мне фотографии комнаты и вида со своего телефона.

– Великолепно, – отвечаю я, пододвигаю пару коробок с плиткой к окну и сажусь.

– А вид? Как тебе этот потрясающий вид из окон? Расмус называет его непревзойдённым.

– Он прав. – Я кладу локти на подоконник, мой взгляд тонет в пучине снега, она мерным фронтом проходит мимо. За окном так серо, что земли больше не видно. Даже склад инструментов у входа на маяк скрылся за плотной серой дымкой. – Абсолютно непревзойдённый.

– Спасибо, – Анникен тяжело дышит.

– Анникен, – заговариваю я после долгой тишины, когда мы оба сидим и слушаем дыхание друг друга, – я не знаю, что еще я должен сделать.

– Возвращайся, – устало говорит она, – Теперь и я поняла. Его здесь нет. Господи… – всхлипывает она. Ее барьеры наконец прорваны. – Его здесь больше нет…

Анникен кладёт трубку, но я еще долго сижу, прислонив мобильный к уху. Траулер уплыл, за окном воет ветер, и волны без устали бьются о берега острова. Передо мной легко и элегантно кружат снежинки, будто партнёры в экзотическом парном танце.

Я думаю о Фрей.

Глава 16

Танцевальные курсы с Фрей, Ставангер, 24 октября 2011 г.

Я увидел Фрей в культурном центре Сёльберга, уже через день после нашего свидания в кафе «Стинг». Она изящно пробиралась сквозь толпу детей и родителей с раскрашенными лицами и причудливыми причёсками. На плакате перед входом значилось, что в тот день в центре проходил семейный фестиваль для детей и молодёжи всех возрастов.

В фойе соорудили сцену. Разодетые мифические существа с голубыми флагами ООН в руках прыгали и танцевали среди собравшихся, хищно ухмыляясь.

Едва ли мы с Фрей встретились там случайно. Я уже несколько часов провёл в районе, беспокойно ходил туда-сюда между культурным центром, выставками и магазинами, ожидая, когда наступит шесть часов. Согласно объявлению, висящему на одной из стеклянных дверей третьего этажа, тренировки по спортивным танцам проходили там два раза в неделю, по соседству с кабинетом кружка детского оригами.

В попытке скоротать время мне даже довелось лицезреть театральную постановку о мальчике с игрушечной змеёй, оживающей только когда они оставались вдвоём. Но это едва ли заслуживает упоминания.

Фрей была одета в тёмно-серые спортивные лосины, кофту с капюшоном и чёрные кроссовки. Она быстро взбежала по ступенькам, не заметив меня. За моей спиной заработал микрофон, и женский голос с энтузиазмом объявил, что на цокольном этаже открылась для приёма гостей мастерская троллей и духов.

Я виновато улыбнулся какой-то женщине в костюме ведьмы, столкнувшись с её дочерью. Та нарядилась к фестивалю в сшитый дома костюм – то ли пчелы, то ли шмеля, с двумя бадминтонными ракетками на спине. Я двинулся к лестнице.

По пути наверх я прошёл мимо стендов у входа в библиотеку на втором этаже, где рекламировались курсы африканского плетения волос и росписи хной. Из фойе начали доноситься раскатистые удары барабанов.

У двери в танцкласс я слегка замялся, в который раз проклиная свою почти безмерную детскую наивность, не имея, впрочем, ни возможности, ни желания что-либо с ней делать. Потом я вошёл.

Зал был переполнен, но я всё-таки приметил чёрные кроссовки Фрей в куче десятков других. Танцкласс от коридора отделяла стеклянная дверь, за ней уже занимались шесть пар и инструктор.

Фрей танцевала со стройным ухоженным мужчиной с зачесанными назад густыми чёрными волосами. Гель для волос буквально фосфоресцировал, когда они двигались, держась за руки, в абсолютной гармонии друг с другом парили над паркетом будто с врождённой точностью движений.

– Элегантно и легко, друзья! – кричала преподавательница на ломаном норвежском, хлопая в ладони и плавно маневрируя между парами, – и поворот!

Рыжеволосый мужчина лет сорока стоял у музыкального центра, опершись подбородком на руки, и мечтательно смотрел на танцующих.

– Ещё поворот. Ещё, ещё, ещё! – прохлопала инструктор, а потом резко развернулась к рыжеволосому мужчине в углу и дала ему отмашку:

– Сеньор Альвин, идите ко мне!

Альвин босыми ногами просеменил по паркету к раскрывшей руки женщине. Она положила свою правую руку на его талию, а левую выставила в бок, согнув в локте, ладонью вверх. Затем провела его полукругом между остальных танцоров:

– Дайте темперамент; вперёд, в сторону, вместе. Назад, в сторону, вместе. Давайте: раз, два, три, четыре, пять шесть! Все вместе, раз, два, три, четыре, пять шесть!

За моей спиной внезапно грохнула дверь, и тучная женщина, задыхаясь, вошла в зал.

– Господи, они что, уже начали? – ахнула она и заглянула внутрь, протиснувшись через меня к двери.

Она скинула с себя кроссовки и сняла верхнюю одежду, что-то вроде яркого лоскутного пончо.

– Вот так, – улыбнулась она, изобразила губами поцелуй и подмигнула мне:

– Bailar pegados![11]

Она распахнула дверь и протиснулась внутрь.

– Альвин! Альвин, друг мой, извини, что я так опоздала.

На короткое мгновение Фрей и её партнёр застыли в повороте, открывая вид на тучную женщину и Альвина, которые в танцевальном объятии воссоединились на паркете. В этот момент стеклянная дверь, неспешно затворяемая электрическим механизмом, вдруг резко запахнулась и прихлопнула мои пальцы.

Дикая боль пожаром полыхнула по руке, и мне пришлось мобилизовать все свои силы и все самообладание, чтобы приоткрыть дверь и высвободить кончики пальцев. Я спешно развернулся и направился к выходу. Из глаз покатились слёзы, и налитые кровью кончики пальцев пульсировали как гранаты, готовые взорваться.

– Торкильд?

– О нет, – простонал я, остановившись на первой лестничной ступеньке. Потом спрятал ушибленную руку под курткой и развернулся: – Фрей?

Из фойе раздался оглушительный рёв ликования, и снова грянули приглушённые барабанные ритмы африканских перкуссий.

– Что ты здесь делаешь?

– У меня важное полицейское задание, – ответил я и обхватил предплечье ушибленной руки. – Я под прикрытием.

– Правда?

– Конечно. Ты разве не слышала?

– О чём? – спросила она, когда ударные стали греметь еще громче, и публика стала топать и хлопать им в такт.

– Киллер Оригами снова орудует в городе. Тяжёлый случай. Просто ужас.

Фрей перевела взгляд на распахнутую дверь, за которой азиатский мальчик лет семи мастерил бумажные фигурки вместе с тремя девочками лет десяти и их родителями, а потом снова на меня. Она стояла вплотную к колонне у входной двери на танцплощадку и смотрела на меня с лёгкой улыбкой на губах.

– С твоей рукой всё в порядке? – наконец сказала она.

– Всё отлично.

– Тебя отвезти в травмпункт?

– Нет.

– Хорошо. Пойдешь со мной?

– Куда?

– В зал, танцевать.

– Нет, я…

– Не хочешь?

– Ну конечно хочу, но… а что скажет твой партнёр?

[11] «Танцуем, прижавшись друг к другу» *(исп.)* – испанская песня, исполненная на Евровидении в 1991 году.

– Роберт? – усмехнулась Фрей, – я же тебе рассказывала о Роберте в кафе «Стинг». Бойфренд дяди Арне. Великолепный танцор. Наверняка и любовник ненасытный, как думаешь?

– Несомненно, – пробормотал я и ощутил, как боль в кончиках пальцев постепенно утихает и растворяется в танцевальных ритмах, заполнивших культурный центр.

– Ну, давай же, – она протянула мне руки, – я же знаю, что ты хочешь.

Я больше не обращал внимания на боль в пальцах, когда вместе с Фрей вернулся в танцкласс. Всё, что я чувствовал, – резкое покалывание, когда встречались наши ладони, и запах её волос. Если бы я наклонил голову чуть ближе, её кудри касались бы моих щёк и губ.

Глава 17

Я вздрагиваю из-за того, что внизу кто-то стучится в дверь маяка. Я поднимаюсь с подоконника и смотрю на запотевшее от моего дыхания стекло. Я замерз, одежда на мне выстыла, а ботинки стали жёстче и жмут, будто они уменьшились, пока я спал.

Снова раздаётся монотонный стук откуда-то снизу. Глухие вибрации доходят до самого верха, там, где сижу я, и заставляют дребезжать старую штукатурку у швов. Я протираю запотевшее стекло рукавом куртки и выглядываю наружу: за окном всё так же серо, день неотличим от ночи. Только вечный поток кружащихся снежных хлопьев и волны, омывающие берега острова.

Внезапно я замечаю человека, стоящего между складом инструментов и наружной дверью маяка. На нём надета штормовка. Одной рукой он мне машет, а другой указывает рукой на море, будто бы пытаясь предупредить о чём-то, скрывшемся за метелью. Собираясь было прислониться к стеклу, чтобы лучше разглядеть происходящее за окном, я отскакиваю от окна из-за сильного удара откуда-то снизу. Через секунду всё снова стихает, я как будто внезапно оказываюсь в вакууме. Я поворачиваюсь обратно и смотрю наружу: мужчина в штормовке исчез.

Между лодочным сараем и причалом появился просвет посреди всей этой непогоды, там, где метель кружит, как миниатюрный торнадо вокруг скал. Я замечаю, как что-то выплывает из гущи плотных водорослей, лениво колышущихся у самой кромки воды; форма, цвет и структура этого объекта не вписываются в ландшафт.

Я встаю, решив спуститься к двери, но снизу снова раздаётся удар. Эхо от удара металла по металлу подхватывают стены, ветер за окном бушует и завывает. Я подхожу к двери и осторожно поворачиваю ручку.

Холодный порыв сырого солоноватого полярного ветра проносится сквозь меня и врывается в комнату, когда я открываю дверь. Я подхожу к лестнице, наклоняюсь над перилами и пытаюсь через спираль лестницы разглядеть, что происходит внизу, откуда раздавался шум.

– Эй! – я кричу так громко, что срываюсь в хрип и мучительно откашливаюсь.

Никто не отвечает, и я начинаю спускаться по лестнице. Между тем дверь внизу сильно хлопает, сотрясая всю лестницу, так что мне приходится остановиться и вцепиться в перила, пытаясь одновременно с этим закрыть уши от грохота.

Прихожая покрыта снегом, металлическая входная дверь распахнута. Я хватаюсь за дверную ручку и разгребаю снег ногами, а потом выхожу на улицу и закрываю за собой дверь.

Фигура на юго-западном направлении исчезла, не оставив следов на снегу. Я сбегаю вниз по литым ступенькам, крепко держась за перила. Вокруг кружится снег, волны окатывают камни и гнилой причал холодной пеной. На дворе тонким слоем выпал снег. Скоро начнётся настоящий шторм.

Я останавливаюсь посередине дороги. Нет никаких признаков того, что на острове только что побывал кто-то, кроме меня, но я снова обращаю внимание на объект в воде. Чем ближе я подхожу к морю, тем сильнее дует ветер. Снежный поток здесь не такой густой, можно разглядеть свет в домах на Большой земле.

Последние шаги я делаю крепко ухватившись за пучки травы и трещины в камнях, чтобы не поскользнуться и не упасть. Огни с большой земли мигают жёлтым светом, как фонари на старых кораблях, но потом между островом и землёй снова поднимается буря, окрашивая всё в белое.

Я глотаю воздух и чувствую вкус соли во рту, когда наклоняюсь над водой. Море здесь глубокое и тёмное, белые гребни волн омывают скалы и раскачивают тело, лежащее передо мной на поверхности воды.

На воде колышется труп лицом вниз. Видны только спина и несколько склизких прядей волос, всё остальное находится под водой и покрыто водорослями, как щупальцами. Я уже вытягиваю ногу, чтобы нащупать выступ и спуститься к воде, но передо мной вырастает большая волна. Я едва успеваю отступить, прежде чем труп выносит на камень, на котором только что стоял я.

– Что за…

Тело какое-то время неподвижно лежит на спине, но потом начинает соскальзывать обратно в воду. Верхняя часть туловища снова оказывается под водой, обвитая водорослями, и начинает медленно погружаться в воду головой вниз и чуть разведенными в стороны руками.

Я пытаюсь отдышаться и глубоко втягиваю воздух, а потом ползком подбираюсь к поверхности воды, следя за силой волн. Я скольжу вперёд, упираясь ногами в ракушки и шероховатые камни, пока, наконец, не подбираюсь достаточно близко к трупу, чтобы достать его руками. Вскоре мне удаётся подтянуть тело к себе и вытащить его на берег. Я поднимаюсь и через камни волочу тело к лодочному сараю.

– Не понимаю, – задыхаясь, говорю я, наконец, остановившись и выпустив труп, – это не Расмус!

Промокший и измученный я присаживаюсь на землю рядом с холодным телом.

Это даже не мужчина.

Глава 18

– Бьёрканг, – отвечает голос на другом конце трубки. В нём слышится любопытство и надменность. Кажется, Бьёрканг пьян. На заднем фоне слышится звук аккордеона.

– Это Торкильд Аске. Отвлекаю?

– Сегодня воскресенье, у меня встреча аккордеонного клуба, – он на секунду запинается, прежде чем продолжить. – Еще раз, а кто это говорит?

– Частный детектив Торкильд Аске.

Я слышу, как шериф тихо с кем-то переговаривается, и аккордеон затихает. Я затыкаю пальцем свободное ухо, пытаясь укрыть его от ветра.

– Я у маяка…

– Почему ты, чёрт возьми, до сих пор там? Ты разве не читал прогноз погоды? Вечером обещали сильный шторм.

– Да, но…

– Ты один?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.